84(2Рос=Рус)6
К Ч-48

Павел Черкашин

Чёрный дар

В дар
Государственной
библиотеке
от автора.

12.07.2007 г.
Л.М.

Союз творческих сил
"Озарение"

ПАВЕЛ ЧЕРКАШИН

ЧЁРНЫЙ ДАР

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ

Государственная библиотека Югры | ОЭ

-0110858-

Новокузнецк 2007

Государственная библиотека Югры | КО

Об авторе

Павел Черкашин родился в 1972 году в селе Мужи Шурышкарского района Ямало-Ненецкого авто-номного округа Тюменской области. Литературным творчеством начал заниматься с одиннадцати лет, но более зрелые вещи стали создаваться гораздо позднее. Первая публикация появилась в печати в общественно-политической газете Шурышкарского района «Ленинский путь».

Павел Черкашин – неоднократный участник семинаров молодых писателей Тюменской области и Ханты-Мансийского автономного округа. Член Союза журналистов России с 2000 года. Член Союза писателей России с 2003 года. Ветеран боевых действий на Северном Кавказе. Лауреат конкурса МВД России на лучшее произведение литературы и искусства о деятельности органов, подразделений и служб внутренних дел (2001) в номинации «художественная литература и драматургия». Лауреат Всероссийского конкурса «Щит и перо» (2003) в номинации «Милицейские кадры».

Некоторые произведения писателя были опубликованы в центральных российских изданиях, таких, как газета «Щит и меч», журналы «Литературная учёба», «Наш современник», «Милиция» и «Жеглов, Шарапов и К».

Отдельные стихотворения Павла Черкашина переведены на английский язык и языки коми и ханты. На его стихи написано три романса и восемь песен.

Он автор книг прозы «Анастасия» (1999), «Чарушинская скамейка» (2002), «Кулаково – Каменка – Кулига» (2004), трёх сборников стихотворений: «Память детства» (2000), «Межсезонье» (2001) и «С тобой и без тебя» (2004), а также сборника стихотворений и прозы о чеченской войне «Под чужими звёздами Кавказа» (2002).

Является соавтором нескольких коллективных сборников и альманахов. Живёт в Ханты-Мансийске, работает в редакции городской общественно-политической газеты «Самарово – Ханты-Мансийск».

«Чёрный дар» – восьмая книга писателя.

ДУРА КАТЬКА

Городок был небольшой. Так, большая двухэтажная деревня. Поэтому почти все в нём знали Генку Гостюхина, шофёра одного из винных магазинов, который не раз привозил для горожан «весёлую» продукцию.

Сам он был крепок телом, прост в общении, имел приятную внешность, беспечные манеры и… три слабости. Первая неизменно сопутствовала его разудалой работе. Генка почти не бывал «сухим». Отчего грузовичок его редко доезжал до магазина, не раздавив по дороге какую-нибудь замешкавшуюся живность. При этом виноватым оказывался, конечно, не он, а сама нерасторопная беспризорная кошка, которую Генка в лучшем случае спихивал носком сапога с дороги, либо причитающая хозяйка глупого цыплёнка, попавшего под колесо гостюхинской машины. Две остальные слабости вытекали из предыдущей. Когда Генка выпивал, у него моментально развязывались кулаки, и он был не прочь их об кого-нибудь хорошенько почесать, а в-третьих – просто ужасно охоч до женских прелестей. И как-то всё ему всегда сходило с рук. Везде успевал. Но народ его, как ни странно, уважал, а может быть, просто побаивался.

В мае Генка ушёл в отпуск, и с дармовым блатом дело стало похуже. Утром девятого числа, когда в заначке всё было выпито, он направился к своему давнему компаньону Василию Ступицыну с вполне понятным предложением:

«Такой праздник – и вдруг не отметить! Поди, сообразим на двоих».

Ступицыны жили через четыре улицы в частном доме. Мать, сам Василий и его почти пятнадцатилетняя сестра Катька.

Катька была слабоумной. Как говорится: бог ума не дал. В школе она не училась, чаще всё сидела дома, вязала крючком кружки. Это было, можно сказать, единственным, что она хорошо умела, с трудом переняв от матери. Среди горожан её звали Дура-Катька, а она нисколько и не обижалась на это.

Когда Гостюхин дошёл до дома Ступицыных, он отворил калитку, прошёл через небольшой двор и поднялся на крыльцо. Постоял у двери, громко, по-мужицки высморкался и бодро постучал. Потом ещё, понастойчивее.

Внутренняя дверь хрипло охнула, и чьи-то мягкие шаги приблизились к двери, за которой стоял Генка.

– Кто там? – спросил насторожённо-любопытный женский голос за дверью.

«Катька», – сообразил Генка и дурашливо приосанился.

– Эт – я!

По ту сторону даже не поинтересовались, кто именно этот «я», брякнул крючок, и дверь подалась вперёд. В тёмном проёме показалась голова Катьки и глупо уставилась на Генку синими-синими глазами.

– Ты кто?

– Я?.. Хэ-х! А мы что же, так и будем с тобой через порог разговаривать? Пускай в дом! – и

он сам шагнул в полумрак сеней, уверенно отстраняя оробевшую Катьку.

– А ты кто? – невпопад переспросила она.

– Хэ-х! Да Генка я, Генка! Гостюхин. Не признала? Васька-то дома?

– А ты зачем пришёл?

– Тьфу, ё-моё! Да за Васькой же, спросил ведь. Дома он?

– Чё-о?

– Дома Васька, спрашиваю?

– Никого нету.

– Ну вот – здрасьте! Никого. Куда ж он запропастился?

– Мама ещё утром на поминки ушла. К Ковалёвым, вроде. Весь день там пробудет, сказала. Девять дней, как умер её…

– Ох, Катька! – перебил Гостюхин. – Ну, дура ведь ты – ей богу! Я же тебя не про мать, а про брата спрашиваю, Василия. Дошло?

– Да-да. Он, никак, на демонстрацию ушёл, на площадь.

– На кой чёрт! Демонстрант контуженный! Как же быть?

– Может, чё передать ему?

Катька чуть ли не с собачьей преданностью смотрела снизу вверх на Генку. Она была ему ростом от силы по грудь. Ладная, пышненькая. Про таких говорят, что они, как сбитень, как хлебушко.

Гостюхин стоял, раздумывал, уперев руки в боки, смотрел на Катьку.

Вспомнил, как когда-то в детстве ребятня дразнила Катьку, подстраивала всевозможные

козни, чтобы можно было над ней посмеяться. Да, впрочем, и сам он любил подшутить над дурочкой.

Однажды увидел её зимой на улице, подбежал и с притворной радостью предложил:

– Катька, конфетку хош?

– Хочу! – ответила она с искренней улыбкой.

– А ты снежка поешь – дам!

Доверчивая Катька сняла с ручки варежку, зачерпнула горстку снега и, откусывая понемножку, принялась есть. Генка стоял рядом и терпеливо ждал, скрывая злорадный восторг.

– Я съела, – сказала Катька и показала пустую, порозовевшую от мороза ручонку. – Дай конфетку!

Только сейчас Генка в голос захохотал:

– А пряника ты не хош? А? Вот такого?! – и он сунул под нос Катьке фигу.

Она недоумённо скосила глаза к переносице, пытаясь разглядеть Генкин «пряник», потом поджала пухлые губки и хлюпнула носом. Заревела. А Генка, довольный своей удачной проделкой, вприпрыжку побежал в сторону.

Сейчас, десять лет спустя, он смотрел на неё с явным мужским восхищением.

– А ты похорошела, Катька!

– Чё я сделала?

– Хэ-х! Похорошела ты, говорю. Вон какая стала! – и он сделал шаг к ней.

– Какая? – Катька хлопнула глазами и отступила.

– А эт-я сщас проверю. Ну-ка!

Генка пружинисто рванулся к ней и обнял. Стал тискать.

– О-о-о, какая ты мягкая!

– Ты чё? Пусти!.. Эй!

– Одну минут-точку!

– Я маму буду кричать!

– Хэ-х, голова садовая! Давай, дурёха, кричи, она ж на поминках.

Катька сообразила это и совсем растерялась. Заметалась глазами, глубоко задышала в Гостюхинских объятьях и обмякла от странного испуга.

Генка торопливо, но с нежной страстью уже шарил рукой под кофточкой Катьки.

– Какая ж ты стала-то, а! Хэ-х, а я и не заметил. Дурёха ты моя! Сдо-обная! Вкусненькая!

Генка стремительно поцеловал её в губы. Она слегка отпрянула.

– Ты чё это?! Это нельзя!

– А я хочу. Почему ж нельзя?

– Нельзя это… Мама не велела.

– Хэ-х, мама ей не велела! Эх ты, дурёха не целованная!

– Почему это не целованная? Я целованная!

Гостюхин на мгновение изумился её словам, но тут же увлёк Катьку вглубь сеней.

– Правда?! Целованная?!

– А то нет. Я и маму целовала, и Ваську. И они меня тоже.

– А меня, значит, нельзя? Ха-ха-ха-ха! Чужой, выходит! Так, да?

– Не знаю.

– Что хоть ты знаешь, темнота! Эх, Катюха, да я же брат твой… Двоюродный, – на ходу соврал Генка.

– Честно, что ли?

– Да клянусь тебе!

Он снова обнял её, поцеловал в губы и шею.

– Значит, никого дома-то нет?

– Ага, никого. А ты, вправду, мне брат?

– Да чтоб мне провалиться! Эх, Катька, хорошая ты! Добрая и глупая. Пошли в дом. Чайком-то угостишь… братца? Хэ-х!

Генка отворил внутреннюю дверь, потянул за собой Катьку и прошёл с ней в комнату. Посадил на кровать. Та послушно села, стала выжидательно смотреть на него. Гостюхин облизнул губы, игриво подмигнул и доверительным голосом спросил:

– Катюх, а тебе приятно было, когда я тебя целовал, а? Вот если честно – приятно?

– Ну, приятно. А чё?

– Хочешь ещё? Я научу.

– Давай.

Он опять, уже неторопливо, прильнул к её губам, а свободной рукой ловко проскользнул между пуговиц халата и стал ласково гладить, слегка сжимая, Катькину упругую грудь с твёрдым, как горошина, соском.

Катька инстинктивно глубоко вдохнула воздуха и прижалась к Генке, обхватила рукой. Он целовал её в жаркую шею и на ощупь, одну за другой, расстёгивал пуговицы халата. Катька не сопротивлялась.

Она всегда была объектом обидных насмешек и мало видела в жизни доброго от людей. Праздником для Катьки была и материнская ласка. Поэтому сейчас она совершенно не знала, не представляла, как ей поступить, и полностью доверилась всё знающему «брату» Генке.

Но то, что стал делать с ней Генка дальше, ей было совершенно непонятно и даже испугало её. Новые, ещё неизведанные ощущения с резкой болью, властно всколыхнули Катькино неискушённое нетребовательное сознание. Вся она глубоко погрузилась во что-то незнакомое, чуждое, но уже давно подспудно желанное. Была ли она счастлива или несчастна в эти минуты, Катька и сама не могла понять, осмыслить до конца. Просто безропотно покорилась тому, что случилось с ней.

А Генка ушёл. Лишь со свойственной ему бесшабашностью бросил Катьке с порога напоследок:

– Что, Катька, понравилось? Хэ-х! Мне понравилось. Ты хоть и дура, а ничего, ласковая, я таких люблю. Не больно хоть было? Первый раз ведь всё-таки…

Катька недоумённо выкатила глаза и неотрывно смотрела на него, своего первого мужчину, покусывала губы.

– Катюх, хочешь, я ещё приду?

Та в ответ сначала замотала головой, но тут же следом утвердительно кивнула.

– Ты только это… своим не говори, что мы тут делали. Слышишь?

– Почему? – Катька искренне удивилась. – Ты же мой брат!

Генка вскинулся, сверкнул глазами, потом резко нахмурился и грозно, сквозь зубы процедил:

– Не вздумай! Только, дура, попробуй – побью! И приходить не буду.

Катька торопливо закивала головой. Она никак не хотела, чтобы её побили, а ещё больше испугалась за то, что Генка, который был так ласков с ней полчаса назад, больше не придёт к ней.

Гостюхин для острастки погрозил Катьке кулаком, приказал одеться и вышел, хлопнув дверью. А припугнутая Катька на ходу застегнула халат, подбежала на цыпочках к окну и, глупо улыбаясь, стала смотреть вслед удаляющемуся бодрым шагом Генке. Глядела до тех пор, пока он не свернул на соседнюю улицу.

Гостюхин наведывался в ступицынский дом ещё несколько раз, выбирал такое время, когда ни матери, ни Василия не было дома. Она всегда ждала его. Теперь Катьке уже нравилось то, что когда-то так сильно испугало её. По-бабьи заполошно радовалась, когда он приходил и жадно облапывал за талию своими цепкими шофёрскими ручищами. И, как под присягой, молчала с домашними об этих встречах. Где-то подсознательно боялась нарушить свою единственную огромную радость, которая так нежданно появилась в её никому не нужной жизни. Словно каким-то шестым чувством предугадывала, что и без того счастье будет недолгим.

Кончился май. Генка вышел на работу. Всё пошло по-старому. Катька осталась в прошлом. Только иногда, проезжая мимо их дома на сво-

ём грузовичке, он неизменно видел её. Катька стояла у заборчика в ожидании чего-то, и Генка жёстко тормозил, высовывался из окошка кабины и кричал пьяным голосом:

– Привет, Катюх! Как жизня-размазня? Хэ-х! Скучаешь? Не боись, забегу! Жди!

И она всё ждала. Каждый вечер выходила к калитке, шарила глазами по улице, а Генка всё не приходил…

Наступила осень. Дружный листопад густо заляпал улицы пёстрыми пятнами листьев. Небо помутнело и ближе придвинулось к горбатым крышам домов. По утрам густой иней выбеливал дощатые тротуары, а под ногами хрустел ледок замёрзших луж. Был на исходе сентябрь.

В один из таких вечеров Катька по обыкновению снова вышла к калитке. Наивно и преданно стала смотреть вдаль улицы. Ждала. До-олго. Холодный порыв ветра обжёг лицо, выбил из Катькиных глаз слёзы. Она погрустнела, тяжело вздохнула и вдруг резко замерла, напряглась всем телом. Словно прислушалась. Потом насторожённо и тихо опустила голову вниз и бережно положила руки на живот.

Что-то непонятное Катьке, будто живое, впервые, по-хозяйски, толкнулось у неё под самым сердцем.

1994

АЛЛАХ ВЕЛИК!

В основе рассказа лежит действительная история, рассказанная беженкой по имени Карима.

Она была беженкой. В конце весны с мужем и четырьмя детьми эта женщина добралась до одного из сибирских городов, где теперь каждый день и побиралась, усаживаясь на твёрдый асфальт какой-нибудь из центральных улиц.

Одежда на ней была не бог весть какая: старая, выцветшая, пыльная, но, однако, не утратившая от этого своего национального колорита. Лицо женщины, по обычаю, было закрыто плотным платком до самых глаз, которые мутно-карими бусинами глядели на равнодушно проходящих мимо людей с надеждой и отчаянием. Но больше всего в них было боли и безмерной усталости, синюшными кругами лёгшей вокруг впалых глазниц. Она не была нахальной, как многие другие беженцы. Плохо это было или хорошо при её положении – трудно судить. Не могла она так.

Всегда молчаливо сидела эта женщина на обочине тротуара. С опущенной головой монотонно покачивалась из стороны в сторону и ждала милостыни от людей, несмело, стыдливо протянув вперёд огрубелую, заскорузлую от неизбывных тягот руку. На мгновение радовалась и долго с благодарностью кланялась вслед, если к её ногам шелестела мятая «тройка» или «десятка». Большое счастье – сотенная бумажка.

Подбирала её и, неслышно вздохнув, ещё ниже опускала голову. За день удавалось насобирать не больше тысячи. Обычно – меньше. Какие же это были деньги для большой семьи. Ближе к вечеру женщина поднималась, кое-как разминала затёкшие от долгого сидения ноги и шла раздобыть на милостыню что-нибудь съестное для детей и мужа, который каждый день, порой безрезультатно, мыкался в поисках случайной работы (не побираться же мужику). Бывало, что в течение нескольких дней подряд не находил её.

Её было сорок шесть лет. Звали женщину Салима.

В один из дней Салима сидела на противоположной от базарной площади стороне улицы, поджав под себя ноги в каких-то жалких обутках, с той же застывшей безысходностью в глазах. Перед ней к обочине дороги плавно подрулил и мягко, почти бесшумно остановился кофейного цвета «Форд» с затемнёнными стёклами.

– По-моему, как раз то, что мне нужно, – сказал один из двух сидящих в автомобиле парней. Молодой, пышущий здоровьем, в престижном костюмчике оливкового цвета.

– Да брось! Далась тебе эта затея, – ответил другой, не менее элегантный, который сидел за рулём.

– Ну, не-ет! Знаешь, бывает такое: вроде бы всё о,кей, всем доволен до пуза, но это-то и сосёт душу. Хочется чего-то такого – нмма! Необычного или, ещё лучше, запретного. Сечёшь?

– И охота тебе мараться? Не брезгуешь?

– Дур-рак! Именно это и разжигает интерес! А эта беженка – как раз, что надо: проста и немолода. Надоели уже молодухи!

– Да ей же лет сорок, если не сорок пять! Очумел? Было бы лет до тридцати-тридцати трёх, тогда ещё можно понять, но тут…

– Что ты понимаешь! В сорок пять – баба ягодка опять. Ты не гляди, что грязная да оборванная, она в сто раз чище всех наших городских потаскушек. У неё ведь никого, кроме мужа, не было. Им Аллах не велит. Ха-ха-ха-ха!

– Интересно! А с тобой, значит, Аллах разрешает? Мол, на здоровье! Ну-ну, валяй! Аллах с тобой! Только ты ведь необрезанный, насколько я знаю, и свинину большой любитель поесть, а?

– Да пошёл ты!.. Не в этом дело. Просто я хочу её! До зуда! Вот такую: чумазую, замызганную, нищую. Заставить её силой, унизить. Сечёшь, какой это бесподобный кайф: чувствовать вынужденную бабью покорность!

– Не думал я, что у тебя такой дерьмовый вкус. Ты, случайно, не извращенец, а?

– Чего-о? Сам ты… Корчишь из себя ангела непорочного. Только посмотри, какая она смугленькая! А какие глаза! Не-ет, уж с ней-то я испытаю такое, чего ещё ни разу ни с кем не испытывал!

Он вышел из машины, оправил пиджак и вальяжным шагом направился к Салиме. Та несмело поглядела на него. А парень не дошёл двух шагов, лениво присел на корточки и насколько мог пренебрежительно бросил:

– Эй, беженка, тысячу рублей хочешь?

Салима испуганно молчала. «Что надо этому человеку? Почему он хочет дать такую большую сумму?»

– Молчишь? Хм… А две тысячи?

Салима нерешительно произнесла:

– Зачем смеётесь надо мной? Что вы хотите?

Похотливо улыбаясь, парень сделал пояснительный жест пальцами.

Салима спешно замотала головой и, как от чумного, отползла от него.

– Ну, ладно, ладно! Пять тысяч. Слышишь? Как с куста!

– Аллах с тобой! Иди, откуда пришёл! – негромко, но твёрдо произнесла Салима.

Молодого человека последняя фраза задела. На мгновение он опешил, как от пощёчины. У него ещё никогда не было осечек и неудач с женщинами, а тут какая-то беженка отмахивается от него, как от надоедливого глупого пса. Он внутренне обозлился и решил действовать до конца.

– Десять тысяч, тварь! Десять! Ты таких денег даже не видела!

Салима убито молчала. А он, видя её смятение, продолжал словесно изощряться:

– Ну, кого ты тут из себя корчишь, а? Правоверную? Боишься, что муж узнает? Дура! Не узнает. Всего один раз, слышишь ты? Я тебе понравлюсь. Не думаю, что твой муж лучше меня. А у тебя будет прекрасная возможность сравнить.

– Ты мне в сыны годишься, – едва смогла выдавить из себя Салима, не зная куда деться от насевшего красавца.

Тот помолчал немного, бесстыдно разглядывая её, затем насмешливо продолжил:

– И что? Это даже интереснее,.. мамочка, – и с исступлением в голосе процедил:

– Двадцать тысяч!

Потом подался вперёд, ухватил Салиму за подбородок и рывком поднял её лицо вверх.

– Смотри мне в глаза, сволочь! Двадцать тысяч! Я сегодня щедрый. Ну, пошли!

В это время из автомобиля вышел второй парень.

– Ну, что?

– Капризничает, тварь!

– Хэ! Девственница, что ли?

– Да какая там девственница! Наверняка мать-героиня!

– М-м. Я тут что подумал: если я буду иметь свой куш лакомства, то готов вложить долю. Поделишься?

– Ты глянь! Быстро же твои вкусы изменились!

– Ладно, считай, что ты меня заинтриговал своей «целеустремлённостью». Ну так что?

– Пожалуйста. Я не жадный. Но не думай, что получишь сладенькое вперёд меня.

– Не боись, я не привереда. Ты сколько давал?

– Двадцать.

– Сбрендил?! За эту развалюху!

– Я тебя не принуждаю.

– Ладно. Значит, плюс я – десять.

До Салимы донеслось:

Государственная библиотека Югры
КО

– Ты слышала? Эй! Тридцать тысяч!

Салима с горечью закрыла глаза. «Какие деньги! Целый месячный заработок без уличных мытарств! Можно будет купить что-нибудь новое детям. Но что скажет муж? Может, он не узнает? Может быть. Но простит ли Аллах? О Аллах, почему ты не защитишь меня сейчас! За что так?.. Но какие деньги!..»

«Сорок тысяч», – услышалось Салиме, как сквозь сон, и в руке захрустели деньги. Она вздрогнула, вяло встала и на ватных ногах, ничего не видя перед собой, пошла к сверкающему «Форду», влекомая за руки теми, кто только что купил её. В кулаке Салимы крепко были зажаты четыре новенькие десятитысячные купюры, а в воспалённых глазах стояли слёзы отчаяния, стыда и полной беззащитности.

«Форд» неторопливо ехал по улицам города. В просторном салоне было уютно, пахло дорогими сигаретами. Из динамиков магнитолы приглушённо доносился проникновенный голос Джо Дассена. Но до Салимы неясно доходило всё происходящее. В голове затяжными толчками шумела обжигающая мозг кровь: «Что со мной будет?.. Аллах велик, он накажет! Но какие деньги!..»

Вскоре автомобиль выехал на окраину города и минут через десять врезался в глубину сосняка, свернув на грунтовую дорогу. Остановился. Оба парня вышли из машины. Первый открыл дверку беженке.

– Вытряхивайся, мадам! Приехали.

Салима обречённо вышла, бессмысленно глядя вниз. Парень грубо схватил её за руку, развернул спиной и властно толкнул на автомобиль. Та покорно навалилась туловищем на прохладную гладкую крышку багажника.

Дальше Салима уже ничего не чувствовала, находясь в горестном забытьи. Пришла в себя, только когда стали подъезжать к городу. Из «Форда» её высадили там же, где два часа назад Салима впервые увидела этих парней.

Домой пришла поздно. Что сказать мужу? Обмануть? Но можно ли обмануть Аллаха? Он всё видит. От безысходности Салиме было ещё горше и страшнее.

Она вошла в деревянный одноэтажный, выселенный под снос дом, где ютилась её семья последние три недели, и сразу увидела мужа. Дети уже спали.

– Что так поздно? Сколько насобирала сегодня? – сразу же строго спросил он на своём языке.

Салима молча, робко положила перед ним хрустящие бумажки, а сама пугливо отошла и села в углу на фанерный ящик.

– Салима, ты их что, украла? Откуда они у тебя, отвечай!

Та была уже не в силах сдерживать накопившуюся боль и унижение в себе, затравленно вздрогнула от сурового окрика мужа, громко охнула, уронила голову на колени и зарыдала. Всхлипывая и часто отирая рукавом горячие слёзы, она начала сбивчиво рассказывать мужу о том, что случилось с ней сегодня днём.

Поняв смысл, он недослушал до конца, мгновенно изменился в лице, почернел от ярости и накинулся на неё.

Салима не сопротивлялась. Он бил и бил её, наотмашь, куда попало, а когда обессиленная Салима повалилась с шаткого ящика на пол, стал пинать ногами в живот, пока Салима не замолчала в беспамятстве.

Дети уже давно проснулись от ругани отца и рыданий матери. Испуганно и беззвучно лежали в комнате за дверью и не смели даже пикнуть. Они боялись отца. А тот грубо и брезгливо отпихнул Салиму, ушёл в другой угол, опустился на колени лицом в сторону Мекки и стал молиться.

Долго с исступлением он молился своему богу, возносил хваления. То упрекал, то рыдал, то ругался, то клялся непременно расквитаться за свою поруганную жену. И снова страстно о чём-то молил, непрестанно отбивая поклоны.

Постепенно его шумное возбуждённое дыхание успокоилось, он тяжело свесил голову со всклоченными волосами на грудь и затих, едва бормоча что-то себе под самый нос.

Потом замолчал совсем. Стал думать: как ему быть.

Убить? Прогнать Салиму за неверность? Он, конечно, проживёт, но – дети! Их четверо, куда он их денет? Но что тогда? Простить измену? Простить позор?.. Как же быть? Как быть?

«Подумать только: моя жена, мусульманка, при живом муже продалась за деньги. Как последняя проститутка! Но какие деньги! Будь они прокляты! Ради детей!.. Ради меня... О Аллах, помоги мне!»

Он устало поднялся. С ненавистью, но в то же время с жалостью и ещё каким-то неизъяснимым чувством, медленно, неуверенным шагом подошёл к Салиме. Та уже опамятовалась от побоев, но всё ещё лежала на полу. Когда муж приблизился, она открыла опухшие от слёз глаза, тихо и хрипло спросила с полной безнадёжностью.

– Что сказал тебе Аллах?.. Я должна умереть?..

Муж поглядел на неё сверху вниз, потом отвёл глаза в сторону и дрожащими губами после долгой паузы, как в пустоту, произнёс:

– Аллах велик! Он простил тебя. И мне наказал простить. Расти детей, Салима. И не изменяй мне больше. Аллах два раза не прощает.

1994

ГОДОВЩИНА

Игорь стоял на балконе и курил. Время от времени равнодушно провожал глазами снующих в разные стороны по площади 400-летия Тюмени людей и снова устремлял взгляд вдаль, силясь разглядеть в морозной дымке заречные микрорайоны и серебристый шпиль минарета недавно построенной в Парфёново мечети.

– Какая скука! – процедил Игорь сквозь зубы и скислил на лице недовольную гримасу. – Хоть бы праздник какой… – произнес он мечтательно, открыл балконную дверь и прошаркал шлёпанцами в коридор к безнадёжно похудевшему отрывному календарю.

– Восьмое декабря! – возвестил он сам себе и потускнел. – Да-а, с праздником туговато… День восьмого декабря – чёрный день календаря! – искажённо продекламировал Игорь детские стишки, направляясь на кухню к холодильнику. Достал с боковой полки початую бутылку «Метаксы», накрытую вместо пробки хрустальным стаканчиком, снял его и на две трети наполнил коньяком. Неспешно, с ленцой поднёс к губам и вдруг замер.

– Ёж твою медь! – невольно вырвалось у него через секунду. – Ну-ка, ну-ка, – силился что-то припомнить Игорь. – Точно! Точно – восьмого декабря! – блуждающая улыбка засветилась на его лице.

– Эх, всё врут календари! – бодро, словно произнеся заздравный тост, воскликнул Игорь и

двумя большими глотками жадно выпил коньяк. Коротко и шумно выдохнул.

– Это ж надо! Такой праздник забыл! – закачал он головой и встал в радостном волнении. Сделал несколько шагов, остановился, выпрямился, потом сложил руки на груди и театрально прошептал:

– Годовщина!..

...По тускло освещённому коридору с рядами массивных дверей по обе стороны гулко отдавались шаги, периодически прерываемые чётким командным голосом и металлическим лязгом открываемых решётчатых дверей.

– Стоять!.. Лицом к стене!.. Вперёд!.. Стоять!.. Лицом к стене!.. Вперёд!..

Восьмого декабря 1995 года в час дня истёк срок тюремного заключения двадцатипятилетнего гражданина Сумцова Игоря Валерьевича, осуждённого на три года по статье 89-й Уголовного Кодекса Российской Федерации (кража)...

События годичной давности вихрем воспоминаний пронеслись в голове Игоря. Он машинально налил до краёв второй стаканчик и вновь почти залпом выпил.

Коньяк приятно ударил в голову. Снова открыв дверцу холодильника, Игорь достал пахнущий копчёным мясом свёрток, взял нож и нарезал в блюдце несколько пластиков «Краковской». Прихватив в другую руку бутылку, он неторопливо прошёл в комнату и сел в кресло возле журнального столика. Повторив возлияние и закусив колбасным кружком, Игорь расслаблен-

но откинулся назад и стал заинтересованно рассматривать репродукцию картины Карла Брюллова «В итальянский полдень».

– Хороша тёлка! – вырвалось у него мечтательно. – Как же это я раньше не замечал? И груди, и мордочка – всё на месте! – вожделённо бормотал Игорь, разглядывая знойную итальянку, которая, приоткрыв пухлый ротик, предвкушала скорое наслаждение от спелого крупного винограда. На Игоря она не обращала никакого внимания.

Он с сожалением вздохнул и прикрыл глаза. Пьянящая истома всё больше разливалась по телу. Игорь уже начал было дремать, как вдруг вздрогнул от неожиданно громкого телефонного звонка.

– Кому я нужен? – спросил он в трубку вяло и небрежно, недовольный тем, что его потревожили.

– Друзьям! – ответила трубка, радостным мужским голосом. – Узнал?

– А, привет! – ответил Игорь уже другим тоном, когда понял по голосу, что звонит его давний приятель по работе Сергей Калягин. – Что скажешь?

– Что скажу? Сейчас к тебе завихряюсь. С двумя прекрасными особами, Верочкой и Леночкой. Ты, надеюсь, один?

– Один, – поспешно и возбуждённо ответил Игорь. – А вы где сейчас?

– У «Юбилейного». Из автомата звоню. Короче, ждёшь?

– Уже чайник ставлю! – крикнул скороговоркой в трубку Игорь и вскочил с кресла. – А ты пустой?

– Обижа-аешь! «Довгань» и «Распутин»! Как тебе такие «говорящие» фамилии? В общем, прямым рейсом к тебе!

В трубке раздались короткие гудки.

Дремоту, как рукой, сняло. Игорь оживлённо сновал по кухне и спешно сервировал стол на четверых, извлекая отовсюду то рыбные консервы, то маринованные грибы, то солёные корнишоны. На удивление с завидным умением изящными пластиками нарезал остатки колбасы, сыр, ветчину. Осталось порезать хлеб, но в дверь настойчиво постучали. На ходу причёсываясь, Игорь поспешил в коридор.

– Вот и мы! Явились, не запылились! – дурашливо возвестил с порога Сергей, пропуская вперёд двух девушек. – Знакомьтесь! Это мой друган – Игорь, а это Вера и Лена.

Девушки приветливо кивнули, расстёгивая шубки.

Когда компания проходила на кухню, Сергей тихо и как бы мимоходом шепнул на ухо Игорю:

– Вера – моя.

– Какой разговор, – так же почти неразборчиво пробормотал Игорь в ответ и в знак согласия развёл руками в стороны. – А у меня, знаешь, сегодня год, как из тюрьмы вышел.

– Да ну! А точно ведь!

– Только – тс-с! Им это ни к чему знать, – заговорщически прошептал Игорь, кивнув в сторону девушек.

После пятого тоста: «за хороших людей!», когда обе бутылки «Довгани», а также и остатки коньяка Игоря были выпиты, четвёрка заметно повеселела и оживилась. Сергей, по-хозяйски приобняв Веру, нашёптывал ей в ухо что-то забавное, и та, то и дело, заливисто прыскала хохотом.

Игорь исподтишка поглядывал затуманенными глазами на Лену. Кого-то она ему напоминала. Крупные тёмные локоны по-особенному неповторимо обрамляли её лицо, в пушистом венчике ресниц влажно блестели глаза, чувственные губы, словно в ожидании желанного поцелуя, слегка приоткрыты... «Стоп! Точно! Это она!» – ухватил мысленную догадку Игорь. Елена была необычайно похожа на пышногрудую итальянку с картины Брюллова, той самой, что висела в комнате.

– Ты на меня так странно смотришь, Игорь, – смущённо проговорила вполголоса Лена, поймав на себе неподвижный пристальный взгляд молодого человека.

Тот отвлёкся от своих мыслей.

– Что?.. А! Знаешь, Ленчик, мне кажется, что я тебя где-то уже видел.

– Верно, – улыбнулась Лена. – Мы с тобой в одной школе учились.

– Да ты что! Правда? – восторженно удивился Игорь.

– Да. Правда, когда ты оканчивал школу, я ещё пятиклашкой была.

– Ну-ну-ну, то я думаю, лицо знакомое.

В это время Сергей решительно встал из-за стола.

– Я за добавкой схожу. Девочки, вам вина или…

– Да ну, Серёга! – перебил Игорь, – зачем мешать? Разве тебе не жаль здоровья таких красавиц, – он игриво посмотрел на Лену. Та снова смутилась.

– Понял. Щас буду, – слегка заплетающимся языком ответил Сергей.

– Господи, куда ты один в таком состоянии. Давай вместе сходим, – заволновалась Вера.

– Оч-чень буду даже рад!

Вера торопливо оделась, и они вышли.

– Пойдём, я тебе свои фотографии покажу, пока они ходят, – обратился Игорь к Лене.

Он провёл её в комнату, предложил сесть на диван, а сам достал из книжного шкафа увесистый фотоальбом и протянул девушке.

К концу просматривания снимков Игорь обратил внимание Лены на висящую репродукцию брюлловской картины.

– Смотри. Она на тебя похожа. Правда? – спросил он доверительно, слегка обнимая Лену за талию.

– Да ну, скажешь тоже, – негромко возразила она, не отстраняясь от Игоря.

– А ты кем работаешь? – неожиданно поинтересовался он.

– Парикмахером – коротко и добродушно ответила Лена.

– Вот откуда у тебя такие прекрасные волосы, – решил сделать комплимент Игорь и незаметно наклонился сзади к её голове, чтобы поцеловать, но тут в дверь постучали. Игорь до-

садно скривил губы за спиной девушки и пошёл открывать.

Распахнув дверь, он увидел стоящие внизу шампанское, бутылку водки и два литровых пакета томатного сока.

– Эй, шутники! – крикнул он в сторону лестничной площадки. Хватит в прятки играть, а то без вас всё выпьем!

Ответа не последовало.

– Хм, вот черти! – усмехнулся Игорь подошедшей Лене. – Ладно, пусть на себя пеняют, – сказал он с весёлым злорадством, закрыл дверь и прошёл вслед за Леной к столу.

Час спустя опорожнённая бутылка была поставлена на пол. Лена чаще пропускала, чем пила, а вот Игорь окончательно захмелел, и, немудрено, что полбутылки шампанского, когда он стал выкручивать пробку, оказалось на столе.

Теперь уже оба были уверены, что вторая пара не придёт. Вера предусмотрительно увела Серёжу к себе, чтобы тот не перепил.

Лена молчаливо и настороженно поглядывала на Игоря. Нервно курила. А тот, осушив друг за другом два фужера шампанского, неожиданно похмурел, набычился.

Лена затушила недокуренную сигарету и встала.

– Я, пожалуй, пойду.

– Куда? – Игорь тупо уставился на неё, медленно ворочая полопавшимися от алкоголя, красными белками глаз.

– Домой.

– Нет. Ты останешься со мной, – он неуклюже, но уверенно встал со стула.

– Зачем? – испуганно спросила Лена.

– Я тебя любить буду! – неестественно громко гаркнул Игорь и облапил ошарашенную девушку.

– Игорь, ты пьян! Не надо! Ты очень пьян!

– Я пьян?! – сверкнул он возбуждёнными блестящими глазами. – И дальше что?

– Игорь, ну, пожалуйста!

– А-а, ты думаешь, что я не могу, раз пьян, да? – рыкнул он, распаляясь. Потом резко оторвал Лену от пола и потащил в комнату. Она замолотила кулаками по его спине.

– Пусти! Гадина! Пусти! Ну, не надо!

– Ах ты, гнида! – взревел ослеплённый пьяной яростью Игорь, когда Лена в отчаянии укусила его за ухо.

Он с силой бросил её на диван, оглушил тяжёлыми пощёчинами и навалился сверху, плотно зажимая ладонью рот девушки. Другой рукой он нетерпеливо сорвал с Лены колготки и помог себе высвободиться из брюк.

– Ты лучше молчи! Ты лучше меня не зли! – остервенело цедил сквозь зубы Игорь, совершая безжалостные толчки.

Лена тяжело дышала и затравленно молчала с выпученными от ужаса глазами. Лишь иногда резко вскрикивала от боли внизу живота и горестно ждала конца кошмара.

Вскоре тело насильника конвульсивно содрогнулось и обмякло. Он что-то невнятно и блаженно промычал и приподнялся.

– Вот и всё. Умница, – удовлетворённо и надменно выдохнул Игорь, взглянув на заплаканное лицо Лены.

Её глаза смотрели на него с нескрываемой ненавистью.

– Ладно, одевайся, итальянка, – бросил он небрежно и, натягивая брюки, прошёл на кухню допивать остатки шампанского.

Всхлипывая, Лена медленно поднялась с дивана.

– Ах, какая попка! – раздался сзади неё пьяный голос Игоря. – Может, повторим?

– Я тебя ненавижу! – дрожащим срывающимся голосом выдавила из себя Лена. – Я в милицию заявлю, – добавила она увереннее, не оборачиваясь в сторону Игоря.

– Вот как, – холодно, полувопросом отметил Игорь и резко замолчал.

Спустя несколько мгновений Лене на миг показалось, что в комнате ударила ослепительно яркая молния. Все краски нереально исказились. Потом свет стал стремительно меркнуть, и все предметы почему-то головокружительно понеслись вверх…

Игорь остолбенело стоял с железным прутом в руках и неотрывно смотрел на распростёртое, неподвижное тело Лены. Из проломленной головы багровым пятном растекалась густая кровь.

В следующую минуту он, могло показаться, совершенно лишился рассудка. Принеся из ванной топор, Игорь с обезумевшими глазами принялся разрубать на куски тело девушки. На диван и стены брызнула ещё тёплая кровь. Последним ударом он отрубил безвольно вывернутую голову со слипшимися локонами и затем

рассовал в полиэтиленовые пакеты по отдельности каждую часть. Потом зачем-то пересчитал их. Тринадцать.

В суетливой спешке замывая лужу крови, он вдруг вскрикнул и подскочил от неожиданного стука в дверь.

Наскоро запихав окровавленные пакеты за диван, он крадучись подошёл к двери. Стук повторился.

– Дядя Игорь, это я, – предупредительно прозвучал из-за двери детский голос.

У Игоря немного отхлынуло от сердца. Это была его девятилетняя племянница Юля. Он дрожащими руками открыл замок.

Войдя, девочка осуждающе спросила:

– Ты, дядя Игорь, пьяный, что ли?

– Но, – глухо ответил он. Нервы были натянуты до предела. – Ты зачем пришла?

– В гости. А чем это у тебя таким неприятным пахнет? – любопытствуя, с брезгливым видом спросила племянница.

Что-то, не выдержав, разом оборвалось внутри Игоря и, не помня себя, он истерично закричал:

– Кровью! Кровью здесь пахнет! Поняла? Кровью!

Вусмерть испуганная странным поведением дяди Игоря Юля, бессознательно выкрикнув «мама!», опрометью выскочила за дверь. Прибежав домой, она сбивчиво, всхлипывая, пересказала маме о «злом» дяде Игоре. Галина Валерьевна нахмурилась. Она хорошо знала своего брата, но не любила его. А из сумбурного рассказа дочери поняла, что произошло что-то

недоброе. Вместе с Юлей она прошла в комнату, сняла телефонную трубку и набрала на диске две цифры.

– Дежурная часть слушает, – раздался в ответ серьёзный мужской голос.

– Записывайте адрес, – спустя полминуты сказала Галина Валерьевна, мрачно потирая виски…

Игорь неподвижно сидел на диване, обхватив голову руками, и хмуро молчал. «Ну, вот и всё» – обречённо отметил он про себя, когда в дверь настойчиво постучали. Он медленно поднялся на ноги, побрёл с отсутствующим взглядом к двери и, не спрашивая, повернул рычажок замка.

В коридор вошли четверо мужчин. Двое были в форме.

– Вы – Сумцов Игорь Валерьевич? – учтиво, но требовательно спросил самый старший из них.

– Я, – равнодушно соглашаясь, прошептал Игорь и, медленно протянул вперёд вздрагивающие, с запёкшимися пятнами Лениной крови руки. – Задерживайте!.. Признаюсь…

1996

ЖИЛЕЦ КВАРТИРЫ № 0

Костя Снегопадов был бомжем. Он принадлежал к той «бомжевской» прослойке, которую составляют бывшие детдомовцы, что по тем или иным причинам не смогли или не сумели поступить в какое-либо ПТУ, в результате лишились места в общежитии и оказались неприкаянными жителями улиц. Впрочем, в отличие от своих «собратьев по образу жизни», Косте Снегопадову поначалу выпала более удачная доля. Силой бог не обидел, и он добывал маломальские средства к существованию, крутясь неофициальным подсобным рабочим на центральном городском рынке. У бездомных собак отвоевал себе крышу над головой: сухой и незахламлённый подвал девятиэтажки. Разжился ещё годной для использования раскладушкой, а со двора одной из школ приволок списанные парту и два стула. Спустя некоторое время, его «квартира» обставилась ещё кое-какой немудрящей «мебелью», появились даже простенький радиоприёмник и часы с кукушкой. В общем, «зажиточно» влачил своё бремя земного существования Костя.

Так бы и шли дни, недели, месяцы, если бы постепенно он не стал спиваться. Всё же, видимо, не от хорошей жизни. Трудно сказать, когда у Кости погасла надежда на то, что придут, наконец, счастливые времена. К тому моменту, когда он отмечал четвёртую годовщину своего подвального новоселья, Костя принимал

на грудь уже ежедневно. Иногда он подходил к обломку большого зеркала, укреплённого им на бетонной стене, пристально рассматривал отражение и мрачно хмурился. В свои неполные двадцать четыре года Костя Снегопадов выглядел на все тридцать…

Евгения Павловна Лизунова была ещё весьма хороша собой, несмотря на то, что завтра ей исполнялось сорок семь лет. Два года назад безвременно скончался её муж, но она решила не бросать начатое вместе с ним дело и до сей поры успешно занималась «челночным» бизнесом. Обстановка трёхкомнатной квартиры свидетельствовала о том, что дела шли хорошо и приносили доход.

Пять дней назад Евгения Павловна вернулась из очередной закупочной поездки и обнаружила, что в туалете протекает труба. Турецкий коврик на полу был совершенно мокрым. «Благо, что на первом этаже живу, затапливать некого», – подумала она про себя.

До сегодняшнего дня Евгения Павловна по ремонту так ничего и не предприняла, всё время ушло на договоры с реализацией привезённого товара. Но устранять неполадку необходимо было в срочном порядке: завтра день рождения, гости придут, а тут такая незадача.

Из домоуправления она возвращалась расстроенная: как назло заболел сантехник их участка, а у второго на сегодня оказалось и своей работы по горло. В общем, невезуха. Дойдя до подъезда, она с удручённым видом присела на скамейку, решая, что же делать.

В это время ведущая в подвал дверь открылась, и из тёмного проёма вышел заспанный Снегопадов. В голове Евгении Павловны промелькнула при виде бомжа спасительная мысль.

– Костя, – окликнула она его и, когда он обернулся, позвала, – подойди, пожалуйста.

Снегопадова, как давнего нешумного «жильца», знали многие в этом доме, в том числе и Лизунова. Иногда, зная его постоянную нужду в деньгах, владельцы квартир просили его об услуге по какому-нибудь мелкому ремонту, и он охотно соглашался за бутылку водки и баночку рыбных консервов.

Делал Костя всё на совесть, поэтому недовольства в его адрес не поступало. Может, именно этому снисходительному благодушию людей и обязан был Снегопадов столь долгому и относительно безбедному обитанию в квартире номер «ноль».

Слегка шатающейся походкой Костя подошёл к Лизуновой.

– Ты сильно пьян? – деловито спросила Евгения Павловна.

– Да нет, как обычно, – ляпнул в ответ Костя.

Женщина усмехнулась.

– Твоя помощь нужна.

– А чего случилось?

– Труба течёт в туалете, а сантехник болеет. Ты как? В состоянии?

– А чего мне, сделаем, – уверил Снегопадов, разводя руками.

– Отблагодарю хорошо, в накладе не будешь.

– Да, конечно, сочтёмся. А инструмент есть?

– Вроде есть, – кивнула она, вспоминая, где лежат инструменты, оставшиеся после смерти мужа. – Пойдём?

Лизунова встала со скамейки, и они скрылись в подъезде.

Когда вошли в квартиру, у Кости аж дух захватило от вида богатого убранства прихожей. Он, конечно, и до этого знал, что его «соседка сверху» живёт роскошно. Частенько Костя с завистью заглядывал в окна лизуновской квартиры, когда проходил вечерами мимо в свою «обитель».

– Разувайся, – повелительно сказала Евгения Павловна и направилась искать инструменты. Когда она появилась, неся в руках плотницкий ящик, Снегопадов уже успел осмотреть объект своей работы и даже прикинул, с чего начать.

– Ну, что, хозяйка, может, нальёшь немного для бодрости труда? А то после вчерашнего руки слегка подрагивают, – обратился Костя с недвусмысленной просьбой.

Лизунова понятливо хмыкнула и ушла в гостиную. Вскоре вернулась, неся в руке наполненную рюмку-бочонок с водкой.

– Держи. Больше пока не дам, а то набракуешь чего-нибудь, – небрежно бросила она.

Костя молчаливо обиделся, но виду не подал. Залпом выпил и с плоскогубцами в руках забрался ногами на финский унитаз.

Протечка была высоко, почти у потолка, и чинить было неудобно, то и дело затекали руки. Работа шла медленно и с малым успехом, отчего Константин начал нервничать и злиться.

Раз от раза его ещё больше раздражало то, что чуть ли не каждые три минуты Лизунова заглядывала в туалет, чтобы удостовериться, что он занят делом, и намекала, что пора бы уже и справиться с такой пустяковиной.

«Интересно ещё, сколько она заплатит, эта вдовушка, – озлобленно думал Снегопадов, – это тебе не вентиль крана подтянуть, тут бутылкой не откупишься».

Неожиданно в пьяный мозг Кости вкралась и стала уверенно зреть черная шальная мысль: «Зачем рассчитывать на малое, когда можно без особого труда овладеть многим?» Через минуту он уже составил в уме преступный план.

В туалет в очередной раз нетерпеливо заглянула Евгения Павловна.

– Ну, что? Скоро ты?

– Скоро, скоро. Вы вот что, подайте мне из ящика отвёртку с белой ручкой, – попросил он.

– Самому-то не судьба что ли? – недовольно спросила Лизунова.

– Да мне же тут держать надо, чтобы не текло, – раздражённо пояснил Костя.

Лизунова нехотя нагнулась к ящику в поисках отвёртки, которая в это время уже находилась у Снегопадова в кармане.

Претворение коварного замысла было почти молниеносным.

Стремительно вытащив и зажав отвёртку в ладони, Константин спрыгнул с унитаза с напряжённо вытянутой рукой в направлении Лизуновой.

Тонкий стержень стали, без труда преодолев сопротивление кости черепа, мягко вошёл по самую рукоятку в мозг, прямо в темя. Не издав ни звука, Евгения Павловна осела под рукой Кости на пол и повалилась на спину. Отвёртка осталась зажатой в кулаке Снегопадова.

Переступив через труп, Константин отправился осматривать комнаты. «Экскурсия» по квартире увенчалась небывалым для бомжа успехом: карманы его одежды отяжелели, вместив около двадцати миллионов рублей, в руке покоилась каменная шкатулка с драгоценностями. На кухне Снегопадов обнаружил другой «подарок»: ящик шампанского и восемь бутылок дорогой водки. Сгрузив бутылки в найденную на антресоли дорожную сумку, он ещё раз огляделся в поисках лёгкой наживы, но решил ограничиться тем, что уже нашёл; и так надолго хватит. Пора было уходить восвояси. К тому же стало приходить осознание совершённого убийства, и в душе пробудился страх. Костя выглянул через окно во двор. Никого не увидев, он прошмыгнул в прихожую, спешно обулся и с поклажей в руке вышел из квартиры. У двери подъезда он ещё раз остановился, прислушался и только после этого вышел и торопливо с оглядкой зашагал к подвалу. Переход завершился благополучно.

Шумная группа из трёх супружеских пар с подарками и букетами зашла на следующий день в два часа в дом, в котором находилась квартира их подруги-именинницы Лизуновой. Один

из мужчин, попутно досказывая анекдот, нажал на звонок.

– Женечка, это мы! – весело и громко возвестила одна из дам.

Из-за двери в ответ не донеслось ни звука. После ещё нескольких безответных звонков в дверь, другая из пришедших женщин, более любопытная, наклонилась и заглянула в замочную скважину.

– Господи! – невольно вырвалось у неё через мгновение, и она резко выпрямилась с испугом на лице.

– Что?! – в голос спросили остальные.

– Женя там… лежит, на полу. Не двигается.

Компания тревожно и взволнованно зашумела.

– Ей плохо, наверно. Надо «скорую» вызвать!

– И милицию! Мало ли что.

– Соседям звоните! Вот несчастье-то!

Когда прибывшая следственно-оперативная группа взломала дверь, разнаряженные дамы враз заголосили, увидев вокруг головы тёмную лужицу крови.

Оперативникам почти сразу стало ясно, что убийство – дело рук неизвестного «ремонтёра». Звонок в домоуправление дал информацию, что вчера Лизунова, действительно, обращалась с просьбой направить к ней слесаря-сантехника, но тот находится на больничном. Значит, хозяйка нашла кого-то своими силами. Но кого?

– Ну, что скажешь? – обратился капитан Новохатин к эксперту-криминалисту Бореву.

– А что сказать? Явно не профессионал. Кругом отпечатки пальцев. Орудие убийства – от-

вёртка – на месте преступления. Один был, прихватил только то, что смог унести. Скорее всего, был пьян. Да, вот ещё: у порога, где он разулся, я обнаружил древесные опилки. Так что надо выяснить, откуда они могли появиться. Отпечатки, конечно, проверим в конторе, но мне кажется, что это всё-таки новичок.

– Сергей Владимирович, – окликнул с порога Новохатина лейтенант Замятин, который занимался опросом соседей, – тут одна пенсионерка интересный факт поведала на предмет возможного слесаря.

– Ну, – откликнулся капитан.

– У них в подвале дома бомж живёт. Так она говорит, что тот иногда по этой части практикует.

– В подвале? – заинтересовался Борев. – Хм, а ведь вполне возможно, что опилочки оттуда. Как ты думаешь, Сергей?

Новохатин, мысленно взвешивая версию, утвердительно кивнул.

– Спасибо, Юра, – обернулся Сергей Владимирович к лейтенанту, – бабуле тоже благодарность передай. Вот что, Миша, – обратился он уже к Бореву, – надо бы и с двери подвала пальчики откатать для уверенности.

– Я тоже так думаю, – согласился Борев.

– Действуй.

Спустя некоторое время эксперт вернулся возбуждённый.

– Уверен, что одни и те же отпечатки! Позднее скажу наверняка. И вот ещё что: возле входа тоже есть опилки. Дверь не на замке. Я считаю, Серёжа, что надо осмотреть подвал.

– Пошли! – решительно согласился Новохатин.

У двери в подвал они приостановились, перекинулись парой фраз и твёрдо вошли внутрь, ступив на мягко пружинящую кучу опила перед выходом.

Их не было минут десять.

Наконец, дверь вновь отворилась, и из неё вышел капитан Новохатин. Вслед за ним из тёмного проёма подвала выглянуло опухшее от чрезмерного возлияния «Распутина» лицо Снегопадова. Сзади его подтолкнули, и Костя с угрюмым видом вышел наружу. Он был в наручниках.

1997

ОПРАВДАНИЕ ДОЖДЁМ

Зульфия стояла на автобусной остановке в первом Заречном микрорайоне и, мечтательно улыбаясь, любовалась заходящим солнцем. Было начало одиннадцатого вечера. Небольшая горстка людей, дождавшись, обрадованно заполнила полупустой салон коммерческой «двадцать четвёрки», и Зульфия осталась на остановке совершенно одна. Ей предстояло добираться домой на Мыс, а двадцатого маршрута всё не было. Она немного волновалась, так как обещала мужу, который остался водиться с двухлетней дочкой, что вернётся не позднее девяти часов вечера.

Сегодняшний июньский день прошёл просто замечательно! В одиннадцать часов утра с букетом пионов, коробкой конфет и подарком она вышла из дома. Вера, давняя подруга Зульфии, пригласила её на свой день рождения. Ближе к восьми часам, когда Зульфия уже было начала собираться обратно, на огонёк девичника заглянула ещё одна подруга, Марина. Желание уходить тут же угасло. Ещё бы, ведь с Мариной они не виделись целый год. Так незаметно и проболтали до закатного часа, пока Зульфия, наконец, не спохватилась, что может не уехать. Марине хорошо, она в трёх кварталах от Веры живёт, а тут до дома пилить и пилить, если автобус прозеваешь.

Напоследок, чмокнув в щёчку ещё раз именинницу, Зульфия вышла из гостей и вот уже

битых полчаса стояла на остановке, отмахиваясь от надоедливых мошек. Надежда на то, что автобус придёт, всё больше таяла.

Было уже двадцать пять минут одиннадцатого, когда возле остановки неожиданно притормозил тёмно-синего цвета джип. Правая передняя дверка с затемнёнными стёклами открылась, и из неё выглянул представительный мужчина лет сорока. Он поглядел на Зульфию и участливо окликнул:

– Девушка, вас подвезти?

Зульфия даже обрадовалась. Сама бы она и не подумала останавливать машину. Время слишком уж поджимало, да и мошкара вконец измучила, поэтому она почти сразу ответила:

– Мне на Мыс, улица Гагарина.

– Садитесь, – согласно кивнул водитель.

Зульфия села в шикарное удобное кресло, и автомобиль послушно рванул с места. Так быстро она ещё никогда не ездила. Улицы вечерней Тюмени были довольно пустынны, и хозяин машины безбоязненно выжимал 110 километров в час. От мелькания за окном городского пейзажа дух захватывало. Из динамика автомагнитолы убаюкивающе звучало что-то из Энио Морриконе. Всего лишь на несколько мгновений промелькнули небольшая церковь на Парфёновском кладбище, оптовый рынок «Дружба». Лишь на светофоре возле поворота на улицу Ветеранов труда иномарка остановилась.

Зульфия решила воспользоваться краткой остановкой и достать из сумочки кошелёк с день-

гами. Водитель понял её намерения и властно положил тяжёлую ладонь на сумочку.

– Ну что ты, малышка. В деньгах я абсолютно не нуждаюсь, – он пристально поглядел на неё и тронул машину с места.

Зульфия изумилась, а мужчина продолжил:

– Сейчас заедем ненадолго в укромное местечко на природе и повеселимся.

– Я замужем, – испуганно ответила она, вмиг догадавшись о его мыслях.

– Знаю. Тем лучше.

– Выпустите меня! Сейчас же!

– Да брось! С тебя не убудет. А домой я тебя отвезу, не волнуйся. И не брыкайся!

У лесопарка джип свернул на грунтовую дорогу в сторону реки Туры и, немного проехав, остановился на берегу озера Круглое. В то же мгновение кресло, на котором сидела Зульфия, плавно откинулось в лежачее положение, она оказалась на спине, а сверху уже навалилось грузное, но сильное тело водителя.

Попытки сопротивления были тщетными. Он моментально подмял её под себя, не давая даже вдохнуть полной грудью. Его грубые руки нетерпеливо сдёрнули с Зульфии нижнее бельё. Обессиленная и отчаявшаяся женщина лишь заскулила от боли и унижения и отвернула лицо от липких поцелуев насильника.

Поглощённый низменной страстью, верзила не обращал внимания на то, чем заняты руки Зульфии. Он весь дрожал от возбуждения, шейные вены от напряжения наполнились кровью.

Зульфия тем временем сумела нашарить рукой свою сумочку и теперь пыталась её открыть. Наконец, её это удалось. Оправившись от первоначального шока, она уже немного пришла в себя и живо обдумала свои дальнейшие действия.

Первым делом надо нащупать лежащий в сумочке маникюрный набор. Да, вот он! Теперь самое сложное: расстегнуть его молнию. Полминуты – и это удалось. Пальцы судорожно перебирали содержимое. Пилка. Нет, она гнётся. Не подойдёт. Ага! Вот! Ножницы! Зульфия вытащила их и зажала колечками в ладони.

Отродье, сильными толчками вдавливающее её в кресло, похоже, приближалось уже к кульминации своего желания. Зульфия брезгливо и ненавистно скривилась: «Нет, ирод, не видать тебе этого!».

Острые концы ножниц глубоко вонзились в одну из вздувшихся вен на шее насильника, вышли и воткнулись снова в другом месте. Салон джипа наполнил истошный вопль. Третий удар! Четвёртый! Жажда мщения за надругательство с удесятерённой силой выплеснулась из Зульфии. Из рваных ран захлестала кровь. Не давая опомниться мерзавцу, женщина наносила удары один за другим, вкладывая в каждый всю свою силу. С разорванной щекой насильник повалился навзничь. Зульфия ещё раз замахнулась и до самых колечек вонзила ножницы в глаз обидчику. Из-за повреждённого горла тот уже не кричал, а лишь хрипел и кон-

вульсивно дёргался в предсмертной агонии, истекая кровью. С расширенными от ярости глазами Зульфия смотрела на безвольно откинувшееся со спущенными брюками тело, пока оно не стало неподвижным.

Едва передвигая ноги, она выбралась из машины. Её вытошнило. Держась за дверку, Зульфия огляделась вокруг. Ни души. Уже смеркалось. Она взглянула на часы: пять минут двенадцатого.

Она подошла к кромке озера и смыла с рук и лица кровь. Потом вернулась к автомобилю, взяла сумочку и побрела в сторону лесопарка к дому. В глазах Зульфии сквозила пустота и потерянность, по щекам катились слёзы.

До своего подъезда она дошла к полуночи. Свет в квартире был потушен, муж и дочурка уже спали, так и не дождавшись хозяйки.

В эту ночь Зульфия так и не смогла сомкнуть глаз. Неподвижно лежала рядом с мужем, слушала дробный перестук нахлынувшего ночного дождя да отдалённые раскаты грома, проворачивая в голове недавние события. Лишь под самое утро, когда уже рассвело, она ненадолго забылась…

В это же самое время на берег озера по обыкновению пришли на утренний клёв рыбаки. Открытая настежь дверка иномарки невольно привлекла их внимание. Когда они подошли к машине и заглянули внутрь салона, ни о какой рыбалке не могло уже быть и речи. Зрелище было не для слабонервных.

Труп, как выяснилось из найденных у убитого документов, Игоря Грека, жителя Нового

Уренгоя, увезли в морг. На его теле насчитали шестнадцать глубоких колото-рваных ран.

Он оказался довольно влиятельным человеком, поэтому не только милиция, но и многочисленные «знакомые» рьяно бросились на поиски изверга-убийцы.

Осмотр места происшествия и попытка взять убийцу по «горячим следам» ни к чему не привели. Проливной дождь, который на протяжении ночи утешал своим шёпотом поруганные душу и тело Зульфии, напрочь смыл все следы. Идентификация отпечатков пальцев в салоне автомобиля, разумеется, ничего не дала. Следствию лишь было понятно, что неизвестным убийцей являлась женщина. Причём первоначально именно она подверглась преступному посягательству со стороны Игоря Грека. Уголовное дело было обречено остаться «глухим»...

Когда Зульфия проснулась, муж уже завтракал. Она бесшумно встала, прошла на цыпочках на кухню и обняла его сзади за шею.

– Ренатик, прости меня. Я опоздала на автобус, всю дорогу пешком шла. Ноги даже сбила.

Он согласно кивнул, обернулся и обнял жену.

– Больше так не задерживайся, ладно? Я волновался.

Она покорно вздохнула и нежно погладила его по волосам. Вчерашнее казалось страшным сном.

Жизнь Зульфии продолжалась.

1997

НОЧЬ ВОЗМЕЗДИЯ

Июньская ночная гроза, короткая, но могучая и щедрая, вдосталь насытила влагой тюменские окрестности и сам город. Наступившее утро было свежим и чистым. В воздух вплелись бодрящие струи озона, и дышалось легко и жадно.

К полудню солнце почти высушило асфальт, оставив мелкие островки-зеркала луж. Лишь в тени ещё плавал слабый ветерок и веял приятной сыростью, чуть холодя щёки прохожих.

Лидия стояла у парадного входа в Музей изобразительных искусств, курила тонкую сигарету с ментолом и изредка бросала равнодушный взгляд в сторону проходящих людей. Пешеходы – это не то. Другое дело – автомобили. Взор её моментально оживлялся, когда в поле зрения вдруг появлялась шикарная иномарка. В такие мгновения она желала лишь одного: чтобы четырёхколёсная импортная посудина остановилась напротив, у «Кволити отеля «Тюмень». Тогда можно будет вальяжно подойти и завязать «деловой» разговор.

Лидия была, как это нередко говорится, представительницей древнейшей профессии. Причём до сих пор ей удавалось быть независимой проституткой-одиночкой. Каким образом Лидии удалось избежать кабалы вездесущих сутенёров – одному богу ведомо. С другой стороны, состоятельный «клиент» знал её, ценил за высокий профессионализм, и безработица этой яркой брюнетке в ближайшие десять-пятнадцать лет вряд ли грозила.

Было Лидии двадцать два года.

Здесь, у парадного крыльца бывшего Дома политического просвещения, где теперь просторно разместились музей и юридический факультет государственного университета, оказалось с недавних времён очень удачное и злачное место. Прямо через дорогу роскошный четырёхзвёздочный отель, чуть наискосок не менее презентабельная гостиница «Прометей». В последней гости хоть и попроще, но тоже в состоянии выдержать таксу за оказываемые Лидией эксклюзивные услуги.

Самый центр Тюмени, и в то же время совершенно незначащее для непосвящённых людей место, где можно, не смущаясь осуждающих взглядов посторонних, заключать интимную сделку. Ведь со стороны Лидия выглядит как обычная тюменская девушка, почему бы ей, допустим, не быть студенткой юридического факультета.

Лидия почти докурила сигарету, когда у бордюра мягко затормозил тёмно-синего цвета «БМВ». Матовое стекло дверцы плавно опустилось. Черноволосый мужчина с аккуратными усиками на восточный манер внимательно посмотрел поверх «хамелеонов» на Лидию. Она располагающе улыбнулась. Тот в ответ тоже растянул рот в улыбке и кивнул. Девушка грациозно двинулась к открывшейся дверке и с неторопливым достоинством села в замшевое кресло. Минуты через три автомобиль неспешно тронулся с места.

Поначалу они отправились в сторону улицы Мельникайте в ресторан «Седьмое небо». В

ожидании заказа, когда клиент, наконец, снял свои радужные очки, Лидия подробно рассмотрела его.

Он был татарин. Сильные с золотыми печатками на средних пальцах руки, на запястье богатая золотая цепь. Черты лица смутно показались Лидии знакомыми и почему-то неприятными, хотя она могла поклясться, что, как клиент, он был у неё впервые. «Где же я его раньше видела?» – силилась вспомнить Лидия, но память не спешила ответить на её молчаливый тревожный вопрос.

Официант принёс заказ и услужливо налил из графинчика в рюмки душистый армянский «Ани». Лидия неторопливо пригубила благородный коньяк и кокетливо проговорила:

– Давайте, что ли познакомимся, а то до сих пор не знаем, как друг друга зовут. Я – Лида.

Мужчина поставил опорожнённую рюмку на столик и с игривой улыбкой ответил:

– А я Равиль. Мне тридцать лет. Так сказать, «новый татарин».

– Забавно! – немного напряжённо рассмеялась Лидия и откинулась на спинку кресла. – О! Фрэнк Дюваль! – вдруг узнала она зазвучавшую музыку.

– Потанцуем?

– Сначала ещё по рюмочке.

Лидия не отказалась. Они выпили, встали и, выйдя на свободное пространство, стали медленно передвигаться в танце. Покинули ресторан Равиль и Лидия уже в пятом часу. Мужчина был навеселе.

– Как машину-то поведёшь, джентльмен? Вдруг ГАИ остановит.

– Не бойся, не тронут. Я с ними дружу тесно.

Конечно, Лидия прекрасно знала, что у таких людей, как Равиль, проблемы с ГАИ решаются просто и быстро, а спросила лишь для того, чтобы возобновить дежурный разговор, пока они по улицам Тюмени выезжали на Московский тракт. Они направлялись на дачу Равиля.

Спустя четверть часа автомобиль остановился у огороженного новым забором дачного участка. Оба вышли. Был рабочий день, потому и в садовом обществе безлюдно и тихо, лишь в высокой листве берёз щебетали невидимые птицы, да в траве неумолчно стрекотал хор кузнечиков. Солнце начинало клониться к западу. Пять часов вечера.

Когда они оказались внутри просторного деревянного коттеджа, обстановка немного удивила Лидию. Она показалась ей всё-таки нарочито шикарной для дачи и имела слишком много соблазнов для возможного визита воров. Но, видимо, Равиль этого ничуть не опасался.

Особое внимание Лидии привлекла аккуратно сложенная печь. Её ровные бока были оформлены на редкость красивыми изразцами. Лидия сняла туфли и расслабленно прилегла на просторную двуспальную кровать, продолжая рассматривать печь. В это время из кухни появился Равиль, торжественно катя перед собой белый сервировочный столик с дорогой закуской и бутылкой «Арарата». Приткнув столик у

изголовья кровати, он снял пиджак и присел рядом с Лидией.

– За чудесную встречу! – предложил он, открыв бутылку и наливая коньяк в приземистые рюмки-тюльпаны.

Лидия поощрительно широко улыбнулась, а сама вновь поймала себя на мысли, что думает о том, где она раньше видела Равиля.

Полчаса спустя, когда после бурных минут близости они оба откинулись на пышные подушки, Лидию всё так же неотступно тревожил недавний задаваемый самой себе вопрос.

Равиль опрокинул в себя очередные пятьдесят граммов «Арарата» и закурил сигариллу, когда Лидия, наконец, решилась и попросила:

– Расскажи что-нибудь о себе.

– А что рассказать? – нетрезвым голосом спросил Равиль. – Я лишь недавно жить-то начал.

– Да ну?! – притворно удивилась Лидия, подначивая его на дальнейший рассказ.

– Да. Два года только.

– Ха! Ври больше!

– Правда! Я ведь, Лидусик, в зоне сидел. Весной в 1995 году вышел.

Лида сделала лицо серьёзным.

– За что сидел-то? Сколько?

– Восемь лет. Девчонку одну малолетнюю изнасиловал. И в рот насовал, – ответил он со смешком.

И тут Лидия всё вспомнила! До мелочей!

События десятилетней давности нахлынули на неё воскресшей прояснившейся памятью. Никто иная, как она, была той самой поруган-

ной девочкой двенадцати лет. Вот где она раньше видела Равиля! Годы и зона, конечно, изменили его, но теперь Лидия его узнала.

Тогда, в отдалённом перелеске под Ембаево, двое подвыпивших парней накинулись на неё, грубо сорвали одежду и, хорошенько пристукнув для большей покорности, нетерпеливо удовлетворили свою блажь.

От неприятных воспоминаний, которые вновь разбередили давнюю незажившую до конца рану, Лидию вернула в действительность рука Равиля, похотливо накрывшая упругую грудь.

– Повторим?

Лидия не сразу сообразила, о чём он, но взяла себя в руки.

– О,кей! Покурю только, ладно?

– Кури. Потом мою сигару покуришь, – вожделённо ответил Равиль, неторопливо возбуждая самого себя.

Лидия наклонилась к сумочке за сигаретами. Но и не только за ними. Пошарила в боковом кармашке и извлекла оттуда две капсулы клофелина. Затем, загородив телом сервировочный столик, она налила в рюмки коньяк, бросила в одну из них капсулы и только потом подкурила сигарету. Равиль ничего не заметил.

Лидия взяла свою рюмку, вторую протянула заклятому врагу, по вине которого она и стала впоследствии той, кем являлась сейчас. Суд и разнёсшаяся по округе молва быстро сделали своё чёрное дело. В четырнадцать лет она уже остерегалась ходить вечерами одна. А в пят-

надцать пришлось сделать первый аборт.

– Выпьем? – предложила Лидия ровным голосом.

– Давай, – с равнодушным согласием отозвался Равиль.

Минут через восемь, когда двойная доза мощного снотворного разнеслась кровью по телу, его голова бессильно бухнулась на подушку, и Равиль погрузился в глубокий сон.

– Подонок! – зло процедила сквозь зубы Лидия, торопливо одеваясь. Её охватило неодолимое единственное желание отомстить за себя. То, что он от звонка до звонка отсидел за грех похотливой юности, ей казалось совсем недостаточным. Кара за исковерканную жизнь должна быть страшной! Одевшись, она напряжённо оглянулась на разметавшееся поверх одеяла обнажённое тело спящего Равиля, а про себя уже твёрдо решила: больше он не проснётся. Лидия знала, что будет теперь делать.

Выйдя во двор, она обошла кругом коттедж и наглухо закрыла все ставни. По тропинке между высоких смородиновых кустов Лидия дошла до поленницы у глухого забора, набрала охапку дров и повернула обратно.

Настенные часы показывали четверть десятого, когда Лидия открыла печную заслонку, сложила в чёрную пасть печки поленья, натолкала между ними скомканные, вырванные из подвернувшегося под руку журнала листы и, щёлкнув зажигалкой, подожгла.

Не действовавшая с зимы печь растопилась

не сразу. Лидия нервничала и вкладывала между поленьями всё новые порции бумаги. Наконец, неуверенные языки огня охватили свой деревянный корм. Лидия облегчённо вздохнула, прикрыла дверцу и снова оглянулась на Равиля. Он безмятежно всхрапывал и шумно выдыхал воздух.

Пламя в печи всё уверенней разгоралось, дрова начали сухо потрескивать. Лидия стремительно встала с корточек и подошла к кровати. Ухватилась за край одеяла и осторожно, но с силой потянула. Минута, и тело Равиля грузно сползло на пол вместе с одеялом. Он что-то нечленораздельно промычал во сне, зачмокал губами, но не проснулся, клофелин цепко удерживал его в объятиях сна.

Лидия села в кресло у включенного торшера и, немного поколебавшись, вылила в рюмку остатки коньяка, зажмурилась и залпом выпила. Часы густым негромким басом пробили десять раз. Для окончательного исполнения плана мести надо было ещё немного подождать.

Спустя некоторое время гул в печи начал стихать, дрова догорали.

«Пора!» – мысленно отметила Лидия и решительно встала, прихватив свою сумочку. Торопливо подошла к печке и уверенным движением задвинула до конца вьюшку дымохода. Пламя в печи задохнулось. Угарный газ стал обильно сочиться из открытой дверцы и заполнять помещение невидимым смертоносным ядом.

– Счастливо оставаться! – мстительно обро-

нила Лидия, последний раз опустив взгляд на Равиля, выключила торшер и, звякнув ключами, вышла на улицу.

Солнце уже лизнуло нижним краем горизонт, когда одинокая женщина закрыла на два оборота дверь коттеджа, бросила ключ в заросли лебеды и вышла с территории садового общества на асфальтированную дорогу.

По пустынной обочине дачного отрезка она шла в сторону Московского тракта минут двадцать. И вот, наконец, магистраль. В ожидании попутного частника Лидия остановилась и закурила. На северо-западе догорала вечерняя заря. В меркнущем просторе летнего неба зажглись первые крупные звёзды. Короткая ночь июня торопилась хоть ненадолго обласкать тишиной и покоем прогретую землю.

Докурив сигарету, Лидия медленно пошла в сторону города. Месть свершилась. Торопиться было некуда. Набирающая силы ночь постепенно скрадывала её уменьшающиеся очертания и всё больше заглушала неспешные удаляющиеся шаги.

1997

ЧЁРНЫЙ ДАР

1

Истоки и причины всего того, что в последствии произошло, относятся к сравнительно давнему времени, к 1990 году. Именно тогда студент выпускного курса Тюменского государственного медицинского института Александр Красавкин увлечённо и всерьёз заинтересовался гипнозом и экстрасенсорикой. Конечно, увлечение это не возгорелось в нём само собой, его предварило то, что по осени Александр любопытства ради решил посещать месячные курсы «Скрытые возможности человека», которые были организованы и проводились в одном из городских дворцов культуры двумя приехавшими из центральной части России экстрасенсами.

На этих курсах Красавкин и узнал от руководителей, что он обладает потрясающе сильной, в отличие от большинства людей, просто мощной биоэнергетикой. Правда, до сих пор она продолжает оставаться в спящем состоянии, так как ни в чём не находила применения.

Узнав, что Красавкин без пяти минут врач, оба руководителя настоятельно стали советовать Александру пробудить и развивать данный ему природой редкий дар. Главным доводом экстрасенсов было то, что, например, с помощью того же гипноза можно без лишнего труда поставить больному правильный диагноз и подобрать индивидуальное оптимальное лечение пациента.

После этого разговора с Красавкиным, как с особо одарённым учеником, стали заниматься

дополнительно и более углублённо, а по завершении курсов выдали соответствующее свидетельство и снабдили объёмным списком специальной литературы, который тот должен был обязательно изучить.

Всю зиму Александр где мог доставал и читал необходимые брошюры и книги, глубоко усваивая их содержание. Не забывал и про практические упражнения. Со временем упорные тренировки стали приносить видимые неоспоримые результаты.

Уже к концу учебного года он мог без труда проделывать различные безобидные шалости, объектами которых выступали однокурсники Александра. По его желанию самый, казалось бы, серьёзный студент мог вдруг неожиданно громко кукарекнуть во время лекции, а первая красавица курса ни с того ни с сего взасос поцеловать последнего прыщавого замухрышку. «Жертвы» подобных экспериментов долго не могли прийти в себя и понять, что за затмение разума нашло на них.

Красавкина все эти последствия по малому счёту откровенно забавляли, а по большому – всё прочнее укрепляли в нём веру в обширные возможности вызванного к жизни редкого дара. Он с чувством радостного удовлетворения отмечал, что с каждым разом может всё увереннее и без усиленного напряжения воли незаметно властвовать над окружающими людьми. Каждым новым достижением в воздействии его гипноза на рядовых людей Александр гордил-

ся, как, вероятно, изобретатель гордится своим очередным открытием.

Впрочем, изредка случались и непредвиденные осечки, которые в любых начинаниях всё равно бывают неизбежны, но в то же время они давали Красавкину более точное представление об особенностях его биоэнергетики.

Наглядным примером может послужить следующая история.

Однажды Александр при помощи гипноза решил склонить к интимной близости упомянутую выше первую красавицу курса Анжелу Михайлову. До самого последнего момента девушка покорно подчинялась его чарам, и Красавкин уже торжествовал очередную победу. Но в самый пик любовного неистовства Анжела вдруг словно очнулась и устроила гневную истерику, одновременно недоумевая, как она могла допустить такое.

Таким образом, Александр пришёл к заключению, что в период оргазма действие его гипноза разрушается по каким-то неизвестным причинам. Впоследствии, повторяя подобные опыты, он внимательно следил за ощущениями партнёрши и не допускал того, чтобы она достигала чувственного экстаза. В таких случаях девушка напротив даже не помнила о постельных утехах с Александром.

После успешного окончания института Александр устроился на работу в хорошую поликлинику, а спустя некоторое время уже имел прочный успех и доверие со стороны пациентов, так как занедужившие люди гораздо быстрее по-

правлялись. Александр по праву мог гордиться достигнутыми успехами во врачебной практике, в то же время он понимал, что добился бы куда более скромных результатов, если бы не набирающие всё большую силу его чудодейственные возможности.

Такова предыстория событий, которые произошли семь лет спустя.

Никто не станет отрицать, что жизнь за это время значительно изменилась. Хотя бы тем, что стала дороже. Красавкину уже исполнилось тридцать лет, и ему было над чем призадуматься. Года шли, молодость уходила, хотелось пожить на широкую ногу, но на заработную плату врача особо не разбежишься. Да и жена Вера, на которой он женился три года назад, не раз мечтательно намекала, как ей хочется побывать в круизе по Средиземному морю.

В один из дней ему в голову пришло замечательное решение, что можно неплохо заработать, занимаясь частным лечением и гипнозом. Мысленно Александр даже выругал себя за то, что такая идея не посетила его много раньше.

Уже на следующее утро он отнёс в одну из городских рекламных газет скромное объявление: «Лечение гипнозом. Более восьмидесяти различных болезней. Снятие психологического дискомфорта». Под объявлением дал свой рабочий телефон. В том, что желающие будут, Красавкин ничуть не сомневался, так как каждое слово несло соответствующую установку, чтобы каждый прочитавший, если у него сла-

бое биоэнергетическое поле, подчинился скрытому приказу и изъявил неистребимое желание пройти лечение у Красавкина.

Ожидание не было долгим. Уже четыре дня спустя позвонил первый человек, попавший в газетную ловушку Александра. Это была сорокапятилетняя старая дева, которая пожаловалась на частые нестерпимые головные боли. Первая встреча была назначена вечером того же дня в квартире женщины.

Когда Александр пришёл и увидел внутреннюю обстановку четырёхкомнатных апартаментов, он просто обомлел. Его больно куснула проснувшаяся зависть к прочному достатку. Одного беглого взгляда хватило, чтобы понять, что у госпожи Самарцевой денег куры не клюют. Да и сама хозяйка встретила Красавкина в шикарном халате, богато увешанная золотом.

Именно в эту минуту в глубине души Александра произошло мрачное перерождение. С этого мгновения его дар направился по ложному, злому руслу, стал в одночасье чёрным.

– Чтобы выявить причины вашего недуга, Елена Владимировна, – начал Красавкин, когда они расположились за овальным столом в гостиной, – я ненадолго введу вас в гипнотический транс, и вы мне подробно расскажете о беспокоящем вас недомогании.

Елена Владимировна согласно кивнула и удобно расположилась в кресле. Александр достал из саквояжа небольшой метроном, установил на нём необходимый ритм и попросил Самарцеву закрыть глаза.

Довольно быстро сознание женщины послушно перешло во власть Красавкина. Отметим, что Александр заблокировал выход из транса и решился на претворение задуманного им преступного плана. Не спуская с Елены Владимировны буравящего взгляда, он повелительно спросил:

– У вас есть в квартире деньги?

– Да, – с готовностью ответила, словно во сне, Самарцева.

– Где они?

– В книжном шкафу, в шкатулке.

Александр поднялся со стула, прошёл в нужном направлении, нашёл шкатулку и вытащил из неё три пачки стотысячных купюр. Победно и злорадно улыбнулся. Затем вернулся к Самарцевой.

– Три пачки долларов – это всё?

– Да. Ну, ещё в кошельке тысяч восемьдесят.

Красавкин пополнил денежную добычу, опустошив кошелёк, и приказал:

– Снимите с себя всё золото и отдайте мне.

– Вот, – покорно ответила Самарцева, сняв с пальца увесистый перстень, и стала отстёгивать колье. Потом сняла серьги и второй перстень.

– Теперь всё? – решил уточнить Александр, жадные огоньки горели в его глазах.

– Пожалуй, да.

– Хорошо, снимите халат.

Самарцева неторопливо разоблачилась. Красавкин тем временем усиленно размышлял: «Рано или поздно она всё равно может заме-

тить пропажу денег. Как знать, не вспомнит ли она всё, узнав эту новость? Вдруг блокировка иссякнет, разрушится? Тогда я пропал! Этого нельзя допустить!» В конце концов, Александр пришёл к выводу, что возможную опасность разоблачения необходимо надёжно и навсегда устранить.

Он взглянул на мирно сидящую полуобнажённую женщину и чётко произнёс:

– Встаньте и пройдите на кухню.

Словно зомби, Самарцева исполнила желание Красавкина. Александр прошёл следом, чтобы отдать последнее приказание.

– Возьмите нож и перережьте себе горло! – громко провозгласил он, вкладывая в свои слова огромный заряд энергии.

Через минуту всё было кончено.

С глубоко распластанным горлом Елена Владимировна рухнула на обильно запятнанный брызгающей кровью паркет и захрипела, дёргаясь в конвульсиях. С каждой секундой жизнь меркла в её широко раскрытых глазах, она с ужасом глядела на Александра. Вероятно, с фатальным угасанием сознания разрушилось и действие гипноза, Самарцева осознала, что произошло на самом деле. Но было уже поздно. Жизнь стремительно оставляла её вместе с льющейся из раны кровью.

Облегчённо вздохнув, Красавкин покинул квартиру Самарцевой.

Спустя полторы недели Александру вновь подвернулся подходящий случай для применения своего чёрного дара.

На этот раз желающим решить свои проблемы со здоровьем оказался мужчина.

Сорокалетний преуспевающий служащий коммерческого банка поведал по телефону, что начал страдать импотенцией и очень бы хотел избавиться от неё, хотя бы ещё лет на десять. Александр спокойно уверил его, что уже после пяти сеансов тот будет вновь иметь желаемый успех у женщин.

Когда же он пришёл домой к Самсонову (такова была фамилия у «пациента»), то был поначалу обескуражен. Двухкомнатная квартира в «хрущёвке» была довольно-таки скромной. Внутренне Александр пожалел, что так просчитался, но позднее его разочарование мигом улетучилось.

На самом деле в разговоре исподволь выяснилось, что Самсонов весьма богат и живёт безбедно. В этом году он собирается продать опостылевшую уже двухкомнатную квартирку и окончательно перебраться в собственный трёхэтажный коттедж, который он выстроил за два года недалеко от линейной больницы водников на опушке живописной берёзовой рощи.

Страдающий импотенцией банковский делец оказался хвастливым болтуном. Уже спустя четверть часа Красавкин знал, что на счетах у Самсонова лежит ни много, ни мало – четыреста семьдесят четыре миллиона рублей, так что, по его словам, он на долгое время вполне обеспечен. А если уважаемый Александр Степанович избавит его от досадного преждевременного

полового бессилия, то за щедрым вознаграждением дело не станет. Он запросто может отвалить исцелителю такой денежный куш, что гипнотизёр хоть на следующий день вправе будет пойти и приобрести приличную новую машину.

На мгновение отвернувшись, Красавкин саркастически усмехнулся: «Заблуждаешься, голубчик, ты будешь со мной намного щедрее», – а вслух произнёс:

– Ну что же, приступим.

Первое действие «спектакля», который собирался разыграть Александр, началось. Как профессиональный сценарист, Красавкин скрупулёзно расписал всю «роль», которую должен будет сыграть Самсонов. В успехе «авторского замысла» Красавкин не сомневался.

Спустя десять минут после начала сеанса, загипнотизированный Самсонов оделся, взял сберегательные книжки, паспорт и вышел из дома.

Александр между тем решил заняться осмотром квартиры. На нижней полке книжного шкафа он обнаружил богатейшую коллекцию редких лазерных дисков, часть которой незамедлительно перекочевала во вместительный саквояж вслед за антикварной статуэткой из китайского фарфора. На кухне оказался небольшой бар. Красавкин позволил себе немного расслабиться и с удовольствием выпил, поджидая хозяина, два бокала оказавшегося здесь марочного бургундского вина. Лаская на языке благородную ароматную жидкость, он неволь-

но начал прикидывать, как будет лучше использовать скорое денежное вливание сорокалетнего импотента, и как объяснить жене внезапное появление крупной суммы денег.

«Ничего страшного. Мне не трудно будет блокировать любое её подозрение навсегда», – так заключил он про себя и успокоился.

Часом позже вернулся радостно сиявший Самсонов. Сразу с порога он громко возвестил:

– Всё в порядке, Александр Степанович! – прошёл в комнату и выложил на стол перед Красавкиным кучу упакованных в бумажные банковские ленты банкнот. – Вот! Всё до рубля! Четыреста семьдесят четыре миллиона. Даже с копейками.

– Молодец, – спокойно похвалил Самсонова Александр, по-хозяйски сгребая деньги в ещё незакрытый саквояж. – Теперь возьми листок бумаги и ручку, – добавил он, пристально заглянув в глаза Самсонову.

Когда тот исполнил просьбу, Красавкин велел Самсонову сесть и стал диктовать ему следующее:

– Я, Самсонов Анатолий Павлович, поступаю так в полном сознании. В моей смерти прошу никого не винить. 7 июня 1997 года.

– Написал, – услужливо проговорил Самсонов и отложил ручку в сторону.

– Хорошо. Теперь иди на кухню.

Там разыгралась последняя сцена преступного спектакля.

Красавкин погрузил Анатолия Павловича в

ещё более глубокий транс, отчего тот стал, как сытый удав, медлительным и вялым, безвольно развалившись на стуле.

Александр тем временем обошёл всю квартиру и проверил, закрыты ли форточки. Убедившись, что всё в полном ажуре, он вернулся на кухню, чтобы сказать Самсонову последние слова, напутствующие того в мир мёртвых.

– Открой все конфорки газовой плиты и спи.

Когда выпущенный на волю коварный бестелесный враг стал расползаться по квартире, Александр уже стоял на автобусной остановке и со сладко замирающим сердцем ощущал приятную тяжесть саквояжа в руке.

Грядущее грезилось Красавкину исключительно в радужных тонах и сулило новые немалые прибыли.

2

Начальник отдела по убийствам подполковник милиции Степан Алексеевич Углин с мрачным видом сидел в своём кабинете. Дела на работе складывались на редкость плохо. Уровень преступности не снижается, процент раскрываемости по-прежнему оставляет желать лучшего, а сотрудников, как всегда, катастрофически не хватает. Вдобавок один уволился, а двое ушли в отпуск. Есть над чем призадуматься. Вышестоящее начальство в то же время требует скорейшего улучшения результатов. А за счёт чего, позвольте спросить! Душу свою, что ли, сатане заложить!

Степан Алексеевич мучительно нахмурился и усиленно стал растирать ладонями горячий лоб и виски. Четвёртый день ему досаждала непреходящая головная боль. Каждая очередная таблетка баралгина давала спасительную передышку всего лишь на полчаса.

Лицо подполковника осунулось, было жёлтым и измождённым от хронического недосыпания и изматывающих проблем, которые ни за что не желали сдвинуться с места хотя бы на чуть-чуть. Он очень устал.

И, как обычно, никому совершенно нет никакого дела до того, что у него кроме всего прочего есть ещё и личные проблемы. Жена Углина, с которой они прожили вместе без малого двенадцать лет, две недели назад подала на развод. По её словам, она до смерти устала от постоянного ощущения, что Степан женат не на ней, а на своей работе. Она ещё вполне молода, ей тридцать три года, и она ни за что не хочет, чтобы её оставшаяся половина жизни была так же неблагодарно загублена, как и годы супружеской жизни с Углиным.

Одновременно с известием о разводе перед Степаном Алексеевичем встала проблема размена жилплощади. Так что непредвиденных сложностей хватало. И всё как-то враз навалилось. А тут ещё эти сомнительные самоубийства. Подполковник медленно перевёл удручённый взгляд в сторону лежащих на его столе папок, в которых находились дела о самоубийствах.

Семь похожих случаев с начала лета. А сегодня ещё только двадцать четвёртое июля. Что-

то Углину интуитивно подсказывало, что цифра «семь» отнюдь не является завершающей, что непременно последует цифра «восемь». Но когда? Может быть, уже завтра?

Известия о первых двух самоубийствах поступили в дежурную часть почти одновременно, в один день. От жильцов не так давно построенной девятиэтажки на улице Седова поступило сообщение, что во втором подъезде на первом этаже целый день не проходит стойкий трупный запах. Появилось предположение, что источник зловония находится в квартире №38, тем более что хозяйку квартиры Самарцеву никто из соседей не видел уже на протяжении недели.

Первоначальное предположение оправдалось. Почерневший от тепла труп был увезён в морг на экспертизу.

Спустя три часа в милицию позвонили из телефона-автомата с улицы Мельникайте. Горожане были не на шутку испуганы тем, что в их подъезде вдруг сильно запахло газом. Аварийная служба газа и экипаж милиции подъехали к дому одновременно. Спустя две минуты очаг распространения газа был найден. Так был обнаружен второй «самоубийца», Самсонов Анатолий Павлович.

Далее самоубийства происходили почти через равные промежутки времени. В третьем случае приехавшая в гости дочь, открыв ключом дверь, к ужасу своему обнаружила маму повесившейся. В четвёртом – безбедно жившая, ещё далеко не старая вдова ушла из жизни при по-

мощи «лошадиной», как сказал Углину судмедэксперт Камнев, дозы снотворного. В пятом... Степан Алексеевич мысленно пролистывал материалы каждого дела. Он знал их почти наизусть. Ему, проработавшему в органах внутренних дел уже шестнадцать лет, начав с рядового следователя, было, как день, ясно, что эти самоубийства лишь видимость, что на самом деле это хитроумно замаскированные убийства. Причём все, претворённые в действительность одним загадочным убийцей. Это безоговорочно подтверждали и факты экспертов-криминалистов. В каждой квартире были найдены одни и те же отпечатки пальцев неизвестного мужчины, проверка по дактилоскопической картотеке результатов не дала.

Но до сих пор Степан Алексеевич не мог понять, каким образом преступник достигал блестящего успеха в своём злом умысле. Внешне жертвы действительно самостоятельно совершали физическое устранение себя из жизни. Следов борьбы, насилия, погрома нет ни в одном из случаев. Как нет доказательств и тому, что убийца хоть раз дотрагивался до умерщвлённой жертвы. В то же время у Углина не было сомнений на тот счёт, что на момент ухода из жизни очередного «самоубийцы» таинственный незнакомец ещё находился в квартире.

Смущали и заставляли безрезультатно ломать голову и другие обстоятельства. Например, в день отравления газом Самсонов снял со сберегательных книжек все вклады. Весьма вну-

шительную сумму. Денег же в доме не оказалось.

Не менее загадочен и следующий факт. В шести случаях из семи, кроме первого, покончившие с жизнью оставляли после себя краткую «объяснительную» записку, содержание которой было нарочито однозначным каждый раз: «Поступаю так в полном сознании. В моей смерти прошу никого не винить». Менялась лишь дата.

Что всё это могло значить, Углин не понимал. Не были понятны ни методы совершения преступления, ни взаимосвязь между собой семи человек, расставшихся с жизнью. Никто из них не был ранее знаком друг с другом, но у всех у них оказался один общий знакомый, который как-то виновен в их смерти, и который до сих пор остаётся в тени.

Красавкин между тем уже вовсю процветал. Почти сразу после «свидания» с Самсоновым он, не посвящая в свои дела супругу, купил и оформил на своё имя просторную четырёхкомнатную квартиру. Нанял рабочих, которые в короткий срок осуществили в приобретённых Красавкиным апартаментах европейский ремонт, со вкусом обставил каждую комнату мебелью. Спустя две недели после «новоселья», Александр обзавёлся капитальным гаражом и новым автомобилем. Из приятных «мелочей» у обладателя чёрного дара появилось прекрасное охотничье ружьё и давняя, долгое время недостижимая мечта – мощная подзорная труба.

Александр с детства увлекался астрономией, и в первую же ясную ночь после приобретения трубы долго не мог налюбоваться панорамой звёзд, он чуть ли не задыхался от нахлынувшей неподдельной радости. На поверхности растущей луны, которая полностью даже не входила в окуляр, был виден чуть ли не каждый кратер, морщины лунных гор так и притягивали взгляд. Красавица Венера уже не казалась сияющей горошиной и очаровывала ещё больше. Как оранжевая чечевица, предстал взору Александра в почётном хороводе спутников Юпитер. Даже у более далёкого брата Земли Сатурна отчётливо просматривалось кольцо. Красавкин был доволен долгожданной покупкой и теперь почти каждый вечер, если небо было свободно от туч, выходил на балкон любоваться величием Космоса. Единственное, что вызывало у него беспокоящее недовольство, это постепенное уменьшение клиентуры. Кроме того, удача не каждый раз шла ему в руки, ведь желающие излечиться от болезней при помощи гипноза не всегда оказывались туго набитыми денежными мешками и чаще всего не были одиноки. В таких случаях Красавкину приходилось лечить страдающих людей и довольствоваться установленным гонораром.

Но у Александра беспокойство вызывало и прогрессирующее уменьшение «пустопородной» массы клиентов. Он долго не мог понять, почему перестала действовать данная в газетном объявлении установка, а когда вдруг догадался, то облегчённо расхохотался.

Со времени подачи объявления прошло уже почти два месяца. Рекламная газета – не библия, не настольная любимая книга, поэтому, будучи единожды прочитанным, тот номер наверняка уже был использован на различные хозяйственные нужды. Проанализировав ситуацию, Красавкин в тот же день подал в газету повторное объявление. Оно вышло двадцать шестого июля, набранное красивым крупным шрифтом, обрамлённое аккуратными толстыми линиями красного цвета. Да, Красавкин теперь запросто мог себе позволить такую роскошь. Площадью с открытку, объявление невольно привлекало внимание уже само по себе, но, как и его скромный предшественник, несло в словах незримую мощь, тянуло, как магнит, в лапы Красавкина.

Беглым взглядом оценив напечатанное объявление, Александр погрузился в мечтания о скорейшем пополнении своего «бюджета». Он даже представить себе не мог, насколько близко подполковник Углин подошёл к разгадке причины серии самоубийств. И уж тем более ни один из них не мог предположить, что их жизненные пути когда-то пересекутся. И случится это очень и очень скоро.

Тем временем Степан Алексеевич рассеяно разглядывал настенный календарь, безуспешно пытаясь сосредоточиться на сложных делах. Изнурительная головная боль мешала достичь ясного течения мыслей, они путались, перескакивали с одной на другую, судорожно обрывались.

– К чёрту! – устало пробормотал он наконец и закрыл глаза. – Так и свихнуться можно.

Плохо слушающимися пальцами Углин достал из пачки сигарету и нервно прикурил.

«Если я завтра же не уйду в отпуск, то к началу следующего месяца меня спокойно можно будет отвезти в Винзили с диагнозом: тихое помешательство», – безрадостно подумал подполковник.

Он открыл дипломат, вынул из него свежий номер городской рекламной газеты и стал неторопливо просматривать рубрики. Ситуация с разводом не позволяла откладывать с разменом жилой площади в долгий ящик. Степан Алексеевич стал внимательно изучать предлагаемые варианты. Но всё было не то. Дойдя до конца страницы, Углин разочаровано вздохнул, перевернул газетный лист и замер. Через мгновение глаза неудержимо побежали по строчкам.

Это было объявление Александра Красавкина.

Незаметно для себя подполковник прочитал обведённый в рамку текст несколько раз, прежде чем смог оторвать взгляд от газеты. Выражение его лица необъяснимо изменилось, в глазах появился странный блеск.

– А ведь это как раз то, что мне сейчас необходимо, – пробормотал он задумчиво, вспомнив слова: «Снятие психологического дискомфорта». Найдя внизу объявления номер телефона, Степан Алексеевич снял трубку и стал уверенно набирать цифры.

– Алло, – отозвался мужской голос на другом конце провода.

– Здравствуйте, – Углин представился. – Я по вашему объявлению.

– Да, я вас слушаю, – учтиво отозвался Александр.

Совсем не предполагая кто есть кто, преступник и следователь разговаривали друг с другом по телефону, как врач и пациент.

Вкратце поведав о своих проблемах, Степан Алексеевич изъявил желание получить несколько гипнотических сеансов. После секундного молчания Красавкин предложил встретиться с Углиным в своей новой квартире, так как подполковник объяснил, что проведение сеансов в его квартире при сложившихся отношениях с женой было бы нежелательным.

В конце концов, Красавкин был уверен, что, принимая клиента у себя, он ничем не рискует. Если выяснится, что на Углине можно поживиться, то «смертный приговор» не сложно вынести и во время следующего сеанса.

Степан Алексеевич подъехал к шести часам вечера. Гостеприимно встретив подполковника, Красавкин проводил его в гостиную и усадил в глубокое кресло. Пока Александр отлучился, чтобы принести неизменный метроном, Степан Алексеевич бегло осмотрелся. Он сразу же отметил хороший вкус хозяина. Вот хотя бы прекрасная посуда в шкафу, хрусталь, вот явно антикварная статуэтка… Стоп! У Углина вдруг мелькнуло ощущение, что где-то он такую статуэтку уже видел. Но где? Времени на

то, чтобы вспомнить, не было, вернулся Красавкин и, предложив расслабиться и закрыть глаза, начал сеанс гипноза.

Моментальное введение Углина в глубокий транс у Красавкина не получилось. Этому мешала какая-то сильная навязчивая мысль, овладевшая подполковником. Чтобы устранить нежелаемую помеху, Александр решил выяснить, что же беспокоит Степана Алексеевича.

К глубокому изумлению перед мысленным взором Красавкина предстала китайская фарфоровая статуэтка. Подполковник был обуреваем тем, что точно её где-то видел. Причём недавно. Красавкин решил пощупать дальше, и перед ним развернулась картина, которая его не на шутку испугала: глазами Углина он рассматривал фотографию беззаботно улыбающегося Самсонова, сидящего в кресле возле книжной полки, на которой стояла статуэтка. Взгляд переместился, и вместе с ним Красавкин вдруг увидел, как из квартиры выносят тело Самсонова.

С недобрым предчувствием Александр решил просканировать глубинные слои подсознания Углина. От того, что ему открылось, Красавкина бросило в холодный пот. Теперь он знал, кто перед ним сидит, и понимал, что находится почти на волоске от полного краха. Проклятая статуэтка!

На мгновение Красавкин ужаснулся: а не ловушка ли это! Иначе как объяснить стечение обстоятельств, в силу которых начальник отдела по убийствам вышел на Красавкина и присут-

ствует сейчас в его квартире. Но ещё раз прощупав мысли Степана Алексеевича, Александр успокоился. Ловушки не было. Углин пришёл к нему без всяких подозрений с совершенно иной целью. Он действительно слишком во всём запутался и смертельно устал от суматохи неизбывных жизненных передряг. Но как знать, долго ли ещё следствие будет идти по ложному пути?

В одном Красавкин был твёрдо уверен: подполковник, который держит в своих руках нити всех его преступлений и слишком о многом догадывается, должен быть устранён. Причём наверняка.

Обстоятельства складывались в пользу Красавкина. Куча проблем, завал на работе, развод с женой, недомогание организма – огромный ворох причин для совершения самоубийства.

«Что ж, голубчик, с чем боролся, на то и напоролся», – злорадно подумал Александр.

В течение следующих пятнадцати минут Красавкин тщательным образом засевал каждую клетку мозга Углина навязчивой мыслью скорейшего самоубийства с предшествующим параличом памяти относительно дел, в которых пока неопознано фигурировал Красавкин.

– Вы всё поняли? – поинтересовался Александр, когда вывел Степана Алексеевича из состояния глубокого гипноза.

Теперь Углин находился лишь в поверхностном трансе, способный говорить, действовать,

но в то же время находящийся под влиянием гипнотизёра.

– Да. Это самое разумное решение. Спасибо вам огромное, ваша помощь очень кстати.

– Вы сделаете всё так, как я сказал, да? – с нажимом в голосе уточнил Александр.

– Конечно. Мне даже удивительно, как я сам до такого простого решения не додумался.

– Ну, вот и прекрасно. Вы свободны.

Далее события развернулись следующим образом. Степан Алексеевич сначала заехал на работу и уничтожил все папки с делами о самоубийствах и только после этого приехал домой. Уединившись в спальне, он вынул из запирающегося шкафчика стола свой именной пистолет и проверил его.

Спустя минут десять жена Углина, которая всё это время находилась на кухне, услышала оглушительный выстрел и бросилась в спальню. Рывком открыв дверь, она истошно закричала.

За столом, откинувшись на стуле, с безжизненно распахнутыми глазами криво сидел её муж. В правой, плетью висящей руке находился пистолет. Рубашка на груди насквозь пропиталась льющейся изо рта кровью, на затылке зияла рана от проломившей череп пули. На столе в пепельнице ещё дымился тонкой струйкой плохо затушенный окурок, а рядом белел клочок бумаги с чернильными каракулями: «Поступаю так в полном сознании. В моей смерти

прошу никого не винить. 26.07.97».

В субботу, накануне празднования Дня города, в два часа дня на Червишевском кладбище состоялись похороны Углина Степана Алексеевича.

В то же самое время в кабинете Александра Красавкина раздался очередной телефонный звонок...

1997

ЗЛОПОЛУЧНАЯ ПОЛУЧКА

Уже четвёртый месяц на заводе не выплачивали заработную плату, и вдруг, как гром среди ясного неба, пронеслась радостная весть: завтра! Причём сразу за три месяца.

С раннего утра пятнадцатого июля у кассы столпился народ. Борис Лебедев стоял восьмым по счёту. Неделю назад он неожиданно загрипповал, взял больничный, но теперь уже поправлялся. Поэтому, когда накануне вечером ему домой позвонил товарищ по работе и сообщил долгожданное известие, Борис, не раздумывая, решил получить деньги в первый же день выплаты и теперь медленно приближался к заветному окошечку. Дождавшись своей очереди, Борис взял ведомость, торопливо поставил подпись и стал с приятным замиранием сердца наблюдать, как кассир отсчитывает ему деньги.

– Пожалуйста. Три миллиона триста двадцать восемь тысяч сорок четыре рубля. Пересчитайте, – деловито посоветовала кассир Лебедеву.

– Всё в порядке! – бодро ответил Борис. – Я вместе с вами считал, – он спрятал деньги, суетливо протиснулся между ожидающих получку людей и, пройдя длинным коридором административного здания завода, вышел на улицу. Настроение было прекрасное.

Повинуясь неожиданному порыву, он прямиком направился в сторону кафе «Две пятёрки». Борис уже давненько горел желанием как-нибудь заглянуть в этот заманчивый подвальчик

в самом центре Тюмени, но всё как-то не получалось. То было недосуг, то мешало безденежье. А сегодня как будто сам бог велел. Минут пятнадцать спустя он дошёл до областного почтамта и теперь спускался по лестнице в кафе.

В столь ранний час Лебедев оказался единственным посетителем. Кафе лишь треть часа как открылось. Внутренняя обстановка не разочаровала Бориса.

Помещение было разделено на два небольших, но довольно уютных зальчика, в каждом из которых располагалось по пять столиков. «Отсюда, видимо, и название кафе», – сообразил он. Молодцы хозяева: всё здесь располагало к уединённому отдохновению от неизбывной надоедливой суеты большого города. Приглушённое звучание аудиозаписей Криса Ри как нельзя лучше соответствовало всему остальному внутреннему антуражу обоих залов, помогая достичь пришедшему сюда благодатного ощущения защищённости и покоя.

Внимательно изучив меню, Борис заказал салат из морепродуктов, фирменное блюдо от шеф-повара и графинчик вина «Слеза кардинала». Заглянув сюда наудачу, он не был разочарован и теперь неторопливо пригублял прохладное испанское вино, под располагающую к приятным воспоминаниям мелодию незаметно погрузился в мечтания.

Наконец-то можно будет купить хорошую стиральную машину. За семь лет супружеской жизни Лебедевых Ирина уже порядочно нама-

ялась с малогабаритной «Малюткой», купленной пять лет назад, когда у них появился Кирилл. Борис с улыбкой представил, как через две недели, в день двадцатипятилетия жены, он «преподнесёт» ей этот весомый подарок. Да и Кирилке, в конце концов, надо будет самокат купить, полгода уже канючит.

Время незаметно шло, светлые мысли Бориса неторопливо цеплялись одна за другую. Нежданно-негаданно они унесли его далеко назад. Перед его мысленным взором сбивчиво замелькали эпизоды детства. Вспомнился добродушный дед Николай – душа-человек – с его нескончаемыми прибаутками да приговорками, и он с младшей сестрой, сидящие у старика на коленях и хрумкающие свежую морковку. В то лето дедушка Коля умер. Нынче будет уже двадцать лет…

«Стоп! – резко очнулся от воспоминаний Борис. – Почему – будет?! Уже!»

Он вдруг ясно вспомнил, что дед умер пятнадцатого числа. Значит, сегодня как раз день поминовения. Попросив счёт, Борис расплатился, спешно встал из-за столика и вышел из кафе.

«Надо сейчас непременно съездить на кладбище, помянуть дедушку Колю», – такая благая мысль неотступно овладела Лебедевым.

Остановка сто двадцать первого маршрута, следующего до Червишевского кладбища, была почти рядом, только через площадь перейти. Но сначала Борис зашёл в гастроном «Центральный».

Молоденькая продавщица услужливо спросила Бориса:

– Что желаете?

– Выпивон и запивон, – неудачно сострил он в ответ, и девушка за прилавком, сделав сердитое лицо, серьёзно ответила:

– Мужчина, вы же не в цирке, выражайтесь яснее.

– Ну, хорошо, хорошо! – рассмеялся Лебедев.

– Пакет томатного сока и «Довгань». Померанцевую.

Всё ещё для порядка хмурясь, девушка подала требуемое. Борис это заметил и, рассчитываясь за покупку, добродушно сказал:

– Ну-у, не будьте букой! У вас такая замечательная улыбка. Как у давней обладательницы зубной щётки «Рич Интердентал»!

– Да ну вас! – смущённо махнула рукой продавщица, хотела снова рассердиться, но наоборот рассмеялась.

В других отделах Борис купил половину булки хлеба и килограмм колбасы. С потяжелевшим пакетом он вышел из гастронома и отправился к остановке.

Автобус подошёл почти сразу. Был вторник, поэтому обычной толчеи народа не наблюдалось. Жёлтый «Икарус» тронулся с места полупустым, и Борис без суеты сел на ближайшее свободное место. Спустя двадцать пять минут автобус развернулся на конечной остановке, и Лебедев оказался невдалеке от центральных ворот городского кладбища. Дед был похоронен во втором секторе, и Борис неторопливо зашагал к могиле дедушки Коли.

Вот и второй сектор. Метров шестьдесят вглубь от ворот и восьмой ряд с левой стороны.

– Здравствуй, деда Коля, – с грустинкой в го-

лосе проговорил Борис у скромного памятника с надписью: «Лебедев Николай Семёнович. 1900-1977 гг.».

Стоя, он с минуту глядел на помутневшую от времени фотографию, затем сел на скамеечку за невысокий столик, обитый выцветшей уже клеёнкой, и вынул содержимое из пакета. Потом нагнулся, пошарил рукой в ящичке под скамейкой и нащупал поминальный стаканчик-стопку. Достал, протёр от пыли и, отвинтив с характерным треском пробку бутылки, налил в него водку. Шумно выдохнул воздух и выпил.

Наверно, час спустя, когда закуски на столике несколько поубавилось, а бутылка более чем наполовину опустела, сторонний наблюдатель без труда мог бы заметить, что Борис уже хорошо разомлел, расчувствовался и в безответном диалоге возбуждённо разговаривал с фотоизображением деда Николая, то приглашая его вспомнить давно минувшие года, то посвящая молчаливый памятник в свои нынешние дела и проблемы.

Время от времени Лебедев понемногу плескал в стаканчик «Довгани», собирался с духом, зажмуривался и опрокидывал в рот очередную порцию обжигающей жидкости. Вдохновенные реплики Бориса становились всё более отрывочными, бессвязными, язык стал непослушен и лениво, с трудом воспроизводил нужные слова. Осоловелый от выпитого внук остекленевшим взором глядел на могилу деда. Буквы фамилии на памятнике упорно расплывались перед его глазами, отяжелевшая голова всё чаще клевала вниз. Наконец, разморённый полуден-

ной жарой, он безвольно уронил голову на столик и почти сразу же забылся в пьяном сне.

Высокое солнце середины лета застряло в верхушках сосен, поливало тёплым светом безлюдное кладбище и неподвижно прикорнувшего на скамеечке одинокого мужчину. Рядом на столик припорхнули осмелевшие поползни и принялись угощаться щедрыми остатками человеческой пищи. Живая тишина изредка поскрипывала стволами деревьев да вздыхала заблудившимся в высоких ветвях ветром. Неожиданно поползни все разом прекратили своё пиршество, тревожно переглянулись и вдруг испуганно устремились прочь.

Сокрушительный удар в затылок на короткое мгновение вырвал Бориса из омута хмельного забытья и тут же поверг в ещё более глубокое беспамятство. Безвольное тело неуклюже сползло к могильной плите и замерло.

Сознание вернулось к Лебедеву около получаса спустя. Он надсадно застонал и с трудом открыл глаза. В двух шагах от себя он увидел белку. Та, заметив движение человека, напряжённо замерла и через секунду рыжей пружиной взметнулась на ближайшее дерево, с любопытством разглядывая оттуда лежащего на пожелтелой прошлогодней хвое мужчину.

Лебедев с усилием приподнялся на локти, и взгляд его упёрся в валяющийся поблизости синего цвета полубрус от старого перегнившего у основания креста без боковых перекладин. Борис тут же сообразил, чем ему был нанесён удар. Вслед за догадкой из его груди вырвался тяжёлый стон отчаяния, он обнаружил, что ле-

жит на земле без пиджака и разутый. Вместе с пиджаком Борис лишился паспорта и всей получки за четверть года, которая находилась во внутренних карманах. Сквозь сжатые зубы он испустил надрывный горестный вой.

Неуклюже поднявшись с земли, Борис тяжело опустился на скамейку и охватил голову ладонями. Рассечённый затылок болезненно ныл. Подняв с хвойного настила опрокинутую неизвестными грабителями бутылку, Лебедев вылил на ладонь остатки водки и с целью мало-мало-мальской дезинфекции приложил к ране. Жгучая боль, казалось, насквозь пробуравила голову и окончательно протрезвила Бориса. Только теперь он полностью осознал всю тяжесть последствий случившегося и, обречённо уронив руки, глухо зарыдал. Так замечательно начавшийся день оказался неожиданно коварен и подставил жестокую подножку. Семья Бориса осталась без средств, мечта о подарках лопнула, как мыльный пузырь. Когда слёзы безысходности иссякли, он с опустошённым взором встал и медленно, сгорбившись, направился назад. То, что пропало, причитаниями не воротишь...

Тем же временем, когда Лебедев пришёл в сознание, на конечной остановке вновь остановился подошедший автобус, и из открывшихся дверей вышла небольшая горстка людей. Среди приехавших на кладбище оказались два оперуполномоченных: Сергей Ведерников и Михаил Золотарёв. Сорок дней назад погиб в автомобильной аварии их товарищ по работе, и они приехали навестить могилу друга.

Неспешным шагом они направились к дальнему участку кладбища, где находились недавние захоронения.

– Гляди, – сказал вдруг Сергей, когда они проходили мимо второй поворот, – какой-то сомнительный тип.

У выхода с кладбища возле мусорного бака копошился неприглядной наружности мужик. Явно бич. В изношенных кроссовках, засаленных штанах и словно изжеванной грязной куртке он невольно привлёк внимание тем, что в одной руке у него находились добротные блестящие туфли и новый, опрятного вида, пиджак. Не замечая приближающихся сотрудников милиции, он методично обшаривал карманы явно не его одежды.

– Привет, земляк! – окликнул бомжа Михаил.

– Вещички-то у покойника, что ль, одолжил?

Услышав голос, мужчина обернулся с испуганным видом и увидел быстро идущих к нему людей. Рванулся было бежать, но ноги моментально обмякли, едва в воздухе пронёсся повелительный окрик Сергея:

– Стоять!

Представители закона подошли вплотную.

– Чей пиджак? – сурово спросил Михаил, пока Сергей рассматривал изъятые туфли.

– Нашёл, – угрюмо буркнул бомж в ответ.

– Ой, навряд ли, – язвительно парировал Сергей. – Глянь Миша, туфли ещё влажноватые от пота, видать, совсем недавно лишились хозяина. Да и от пиджака запах неплохого одеколона чувствуется.

– Ну! – грозно надвинулся Михаил на запаниковавшего мужичонку, – сейчас всё расскажешь или в отделение предпочитаешь заехать? Кого грабанул?

– Не я это! – испуганно пробормотал бич, – Витька это, наверно. Из Патрушево.

– Что ещё за Витька?

– Гульбанов. Громила местный. Да и пьёт ещё.

– Так, ну-ка, давай всё по порядку!

– Дык я… Ну, в общем, так… – начал мужик сбивчиво, – я на кладбище-то частенько бываю. Печенье, пирожки, конфеты поминальные собираю. Где и стопочка, бывает, людьми оставлена. С часок так побродишь, глядишь и сыт. Витьку несколько раз встречал. Он здесь регулярно по могилам ходит, цветы свежие крадёт и снова продаёт. А сегодня чуть не сшиб меня, нёсся, как угорелый. Сначала пробежал было, но потом остановился и говорит мне, что, мол, если кто спросит, то ты меня здесь не видел. И шмотки эти подарил за молчание. Так что Витька-то всяко лучше знает, чьи эти вещи.

Пока оперативники вели разбирательство с бомжем, на дороге из глубины кладбища показалась фигура Лебедева. С поникшей головой он брёл, ничего не видя перед собой. Рана на затылке запеклась, но голова отчаянно гудела. Рубашка была обильно запачкана кровью. Михаил первым заметил ковылявшего в одних носках Бориса.

– Гляди-ка, никак наш потерпевший идёт, – обратился он к Сергею и кивнул в сторону идущего. – Пойду навстречу.

Борис рассказал всё, как было.

Сразу же упомянул и о крупной сумме получки. Поначалу обрадовался, что вещи нашлись, но когда узнал, что ни денег, ни паспорта нет, снова упал духом. Сергей и Михаил постара-

лись успокоить Лебедева, что надежда возвращения денег ещё есть.

К воротам второго сектора подъехали «Жигули». Из салона вышло семейство и направилось на кладбище. Золотарёв тут же что-то смекнул, спешно подошёл к хозяину автомашины, показал удостоверение и стал кратко излагать свою просьбу. Через минуту водитель согласился подвезти задержанного, оперативников и потерпевшего в районный отдел милиции, пока его семья будет навещать могилы родственников.

Всё дальнейшее зависело лишь от профессионализма сотрудников криминальной милиции и в какой-то мере от удачи. Она не преминула улыбнуться опергруппе.

В тот же день Виктор Гульбанов был задержан. Он уже успел прокутить часть своровавных денег, был пьян и почти сразу во всём сознался. Днём позднее, во время следственного эксперимента, на кладбище он точно указал место, где совершил нападение на Лебедева, а в полубрусе старого креста признал предмет, которым был нанесён удар.

Около трёх миллионов и паспорт всё-таки вернулись к своему хозяину. Через две недели о злосчастных событиях у могилы деда Борису теперь напоминали лишь зудящие заживающие швы, а о том, что всё, в конце концов, завершилось более-менее благополучно, – стоящая в коридоре новая стиральная машина.

1997

ЗАТМЕНИЕ РАЗУМА

Было самое начало июня. Темнело достаточно поздно, где-то после одиннадцати часов. Закатившееся солнце ещё долго гуляло за кромкой горизонта, переливчато озаряло северо-западную часть неба, как жаркие угли, раскаляло багровыми лучами бока высоких облаков. Но постепенно костёр заката истаивал, зеленел, затирался белизной летних сумерек, за которыми робко и неторопливо кралась темнота. Мимолётные ночи стояли тёплые и тихие.

В один из таких дней Виета задумчиво сидела в старом расхлябанном кресле внутри коммерческого киоска, что приткнулся на самой окраине Тюмени, невдалеке от узлового транспортного кольца Московского тракта.

Покупателей в столь поздний час, а была уже полночь, не было, но торговая точка, в которую она нанялась продавцом, работала круглосуточно. Виета была рада тому, что после заполошного дня она наконец могла некоторое время посидеть спокойно, отдохнуть от нудного метания то к товарам, то к окошечку и от тщательного пересчёта денег при расчёте.

Едва она расположилась в кресле, как в голове сразу же вскружился вихрь неразрешённых вопросов и воспоминаний, накопившихся за длинный день.

Вот в памяти ярко всплыла подъехавшая весёлая свадьба. Жених, опьянённый счастьем, резво подбежал к окошку киоска, скупил чуть ли не половину товара, из разнаряженных машин

громко, возбуждённо кричали гости, подначивая его не скупиться, а слегка подвыпившая невеста радостно завизжала, когда раздался сухой хлопок выстрелившей пробки шампанского.

То вдруг Виете неприятно вспомнилось, как некий напыщенный самодовольный господин небрежно швырнул крупные купюры в окошечко на стол прилавка, видимо, считая себя благодаря наличию сотового телефона и галстука от Версаче кем-то не ниже царственной особы. До глубины души оскорблённая Виета мигом укоротила спесь и зашкаливающее самомнение «пупа земли», заговорив с ним на чистейшем английском языке. От удивления у состоятельного сударя с отвисшим животом широко открылись глаза, он стал нелепо переминаться с ноги на ногу и, получив товар, даже робко пробормотал давно немодное слово: «спасибо».

Виете было обидно, что неуважительно относятся почти ко всем продавцам киосков. Особенно к женщинам. Гребут под одну гребёнку. Мол, кто там ещё может работать, только неопытные недалёкие девчонки, дешёвая рабочая сила, которую несложно найти или без труда обменять. В лучшем случае за прилавок ларёчницей встают те, кто окончил среднюю школу или какое-нибудь захудалое профтехучилище.

Однако в большинстве правил встречаются исключения, каким и являлась Виета. Хотя она только-только завершила обучение в государственном университете, на работу по специальности устроиться пока не могла. Причиной это-

го был маленький сын, которого Виета родила к концу четвёртого курса.

Обе бабушки малыша в силу различных обстоятельств не могли или, не исключено, не хотели изменить свой прежний устрой жизни и вплотную помочь водиться с внуком, а в детский сад, даже в ясли, таких карапузов, которые едва встали на ноги, ещё не принимали – рановато. Поэтому Виете предстояло ближайший год провести дома с ребёнком, но на первый план особо остро всплыла актуальная для всех и во все времена финансовая проблема. Государственного пособия катастрофически не хватало на целый ряд первостепенных нужд матери и ребёнка.

К счастью, помогли доброжелательные родственники, устроив Виету в собственный коммерческий ларёк, тем самым одновременно получив порядочного и ответственного работника.

Виета нашла для сынишки сиделку и уже успела проработать шесть смен, когда, к огромному сожалению, поняла, что не так уж и лёгок труд ларёчного продавца, как ей поначалу расписывали. Мол, сутки работаешь, двое отдыхаешь, «ни за что» получаешь семьдесят пять тысяч за смену. Так выглядело со стороны. В действительности же после проведённых бессонных суток от переутомления сильно болела голова, ломило всё тело. То есть оба последующих дня отдыха уходили на восстановление нормального состояния организма.

Да к тому же случалось, что денежная сумма в кассе не совпадала с суммой, вырученной за день от торговли. Виета каждый раз недоумевала, почему так выходит, ведь она всегда была предельно внимательна при расчёте покупателей. Вдобавок иногда попадались такие клиенты, которые сдачу принципиально не брали. Но всё-таки, как назло, во время утренней пересмены выявлялась досадная недостача. Такая невесёлая ситуация была уже дважды…

Владимир в прошлом был портовым рабочим, вкалывал, как ломовая лошадь, а получал гроши. На текущие расходы семьи денег почти всегда не хватало, а уж об удовольствиях, театрах всяких, Хромовы и вовсе не заикались. Всё чаще Владимиру мысленно приходилось пожалеть, что пять лет назад они с женой Верой решили обзавестись вторым ребёнком. Недолго осталось до того времени, когда Наташка пойдёт в школу. А там на одни альбомы да тетрадки разные сколько денег придётся вбухать. Но теперь уже никуда не деваться, и Владимир по-прежнему тянул лямку основного семейного добытчика.

Так бы Хромов и прожил свой хлопотливый человеческий век, не подвернись ему однажды однокашник Андрей Дозоров.

Тот ещё в школе слыл оборотистым парнем. Пусть не друзьями, но приятелями Андрей и Володя в те года были. Но в 1985 году, после окончания школы, их пути разошлись до той поры, пока они вдруг случайно не встретились в марте 1997 года.

Тогда-то Дозоров и предложил Владимиру сколотить небольшой коллективчик (собственно из двух человек), чтобы курсировать челноками на машине из Тобольска, где они оба жили, через Тюмень в Екатеринбург. Цель данного предприятия, по замыслу Андрея, заключалась в том, чтобы перепродавать автомобильные запасные части, купленные по сравнительно низкой цене на Уралмаше, в родном Тобольске и близлежащих сёлах, где на этот счёт появился дефицит.

Андрей долго и убедительно расписывал, что, следуя предложенной им задумке, можно без особого напряжения заработать достаточный капиталец, который позволит либо обзавестись новым автомобилем, либо открыть собственный бизнес. В общем, хозяин – барин.

Владимир поразмыслил над предложением Дозорова, взвесил все «за» и «против» и понял, что по большому счёту ему нечего терять, кроме своих цепей. В тот же день он согласился стать компаньоном Андрея.

Тогда же он всё обстоятельно обговорил с супругой. Вера согласилась, хотя поначалу засомневалась в успехе подобного начинания.

Чтобы наскрести первоначальный капитал для поездки, так как долей Андрея была машина с прицепом, на которой они должны будут отправиться в Екатеринбург, Хромовым пришлось заложить в ломбард антикварный чайный сервиз, принадлежавший ещё Вериной прабабушке, а также продать всё имевшееся у них золото.

Первые четыре ходки они усиленно занимались делом. Не позволяли себе ни выпивки, ни каких-либо других удовольствий – всё подчинялось достижению задуманной цели. Но вот наступил долгожданный момент, когда их труд стал наконец окупаться, деньги приносить прибыль. Это волнующее чувство осознания того, что ты можешь делать большие деньги, опьянило мужчин. Особенно Владимира. Теперь он ощущал себя полновластным хозяином своей судьбы, удачливым добытчиком, настоящим мужчиной, главой семейства.

Теперь-то уж они с Андреем могли позволить себе малость расслабиться, тем более были в очередном рейсе в Екатеринбург, жёны с их извечным «занудством» остались в далёком Тобольске, а ощущение дороги, новых грядущих событий действовало, как лёгкий наркотик.

«Жигули» с двумя напарниками уверенно двигались по кольцевой дороге областного центра. Владимир молчаливо любовался ночной Тюменью, потом неожиданно обратился к сидящему за рулём Андрею:

– Слышь, Андрюха, может, пивка купим?

– А если менты затормозят? – усомнился тот в ответ.

– Ночь ведь. Проскочим.

– Ну, давай, пожалуй, – согласился Дозоров, свернув вправо с магистрали на улицу Пермякова.

Остановившись в одном из дворов первого микрорайона, они с удовольствием распили купленную двухлитровую пластиковую бутыл-

ку пива «Монарх», выкурили по две сигареты и неторопливо тронулись в путь. До Екатеринбурга оставалось пять-шесть часов езды. «Жигули» уже проскочили поворот на Червишевский тракт, когда Владимир вновь заговорил:

– Слушай, а, пожалуй, мы зря ничего из провизии не купили. Завтра, может, и некогда будет по «кафешкам» ходить. Меня уже сейчас что-то на жор потянуло.

– Предлагаешь где-нибудь затариться, что ли?

– Конечно. Вон, на Московском тракте какой-то киоск виднеется, притормозим.

На обочине Андрей остановил автомобиль, и Владимир с пакетом отправился в сторону киоска, который находился метрах в ста от дороги. В витрине горел свет.

Подойдя вплотную, Хромов стал рассматривать расставленные на деревянных полочках товары, отмечая про себя, что необходимо взять:

«Так, огурчики маринованные венгерские, помидоры в собственном соку. Так, это что? Ага, ветчина в вакуумной упаковке, ряпушка в масле. Теперь – попить: «Кола», «Фанта», «Кремсода». Может, ещё пивка взять?..»

Размышляя над этим, он наклонился к окошечку, которое оказалось закрыто на шпингалет с внутренней стороны. Окинув взглядом внутреннее помещение киоска, Владимир с раздражением заметил, что продавщица, соплячка лет двадцати- двадцати двух, беззаботно дремлет в обшарпанном низком кресле в дальнем углу ларька.

Виета действительно задремала. Уже часа полтора прошло, как никто не подходил за покупками. Мысли незаметно увлекли её в желанное забытьё. Она даже не услышала, что к киоску кто-то подошёл.

А на Владимира тем временем неожиданно как будто какое-то затмение нашло. Непонятно от чего он вдруг сильно разозлился.

«Надо же! Покупатель пришёл, а эта козявка дрыхнет без задних ног! Даже не чует! А ещё бабки за это получает! Ну, говнючка, я тебя проучу! Не будешь больше дрыхнуть на работе».

Он нарочито грубо застучал в окошко. Виета испуганно вздрогнула и чуть не вскочила с кресла. Но тут же овладела своей секундной растерянностью и подошла к прилавку. Открыв окошко, она уже собиралась принести искренние извинения столь позднему покупателю, но не успела. Что-то с шипением ворвалось через раскрытую створку, удушливо ударило в нос и стало невыносимо разъедать глаза. От неожиданности Виета отпрянула, запнулась, упала на пол и невольно закрыла ладонями обильно слезящиеся глаза, задыхаясь в иступлённом кашле.

Хромов, убедившись, что обильная струя из газового баллончика дала отменный результат, что-то зло и неразборчиво процедил сквозь зубы и победно ухмыльнулся. Потом ловко просунул руку в окошко и стал методично и хладнокровно опустошать витрину ларька, сгребая в пакет всё, что попадалось под руку, не обращая особого внимания на бесполезные вялые

движения ослеплённой слезоточивым газом Виеты и её отчаянные мольбы о помощи.

Напоследок словесно унизив ларёчницу, Владимир подхватил под низ туго набитый продуктами пакет и без лишних раздумий отправился назад к машине.

Натыкаясь на углы, Виета, поднявшись наконец с пола, прошла в сторону умывальника и попробовала промыть глаза. Это мало помогло. Жгучая неослабевающая боль заставляла рефлекторно жмурить веки. Добравшись до окошка, Виета вслепую, по памяти нашла и задвинула шпингалет, затем принялась ощупывать ближайшие полки. Они были пусты. Убедившись в этом, Виета беспомощно и горько зарыдала.

...Совершенно неожиданное и необъяснимое затмение разума Владимира Хромова, в котором он позднее даже не раскаялся, обернулось тем, что Виета вынуждена была работать четыре смены абсолютно бесплатно, чтобы возместить все убытки, случившиеся в её смену. Вторым печальным результатом злополучной ночи явилось то, что у Виеты необратимо упало зрение.

1997

ТРАГЕДИЯ СОВРЕМЕННОЙ ДЖУЛЬЕТТЫ

Они встретились и познакомились совершенно случайно на скамейке в городском парке. Обменялись новостями каждый из своей жизни. Руслан, выяснилось, перешёл в одиннадцатый класс, Людмила – в восьмой.

– Хорошо, что я тебя встретил, – сказал Руслан, помолчал и продолжил, – Плохо, когда день рождения летом. Все друзья разъехались.

– У тебя день рождения сегодня? – обрадованно удивилась Людмила.

– Ага. Шестнадцать исполнилось.

– Поздравляю! А мне четырнадцать стало, тоже в июле, шесть дней назад.

– Хо! Так мы оба именинники! Надо же, как совпало! Слушай, а давай отпразднуем у нас дома. Мама утром салатов наготовила, торт испекла.

– А что, давай! – быстро согласилась Людмила и даже сама несколько удивилась своей смелости.

Родителей Руслана дома не оказалось, они отправились к знакомым и в записке сообщали, что вернутся не раньше десяти часов вечера.

– Ну, что ж, тем лучше. Сами себе короли будем! – бодро заключил Руслан и пригласил Людмилу в комнату, а сам направился на кухню.

Вернулся он со скатертью в руках, выдвинул к дивану стол и включил видеомагнитофон с музыкальными клипами. Пока Руслан по-простому

сервировал стол, Людмила с любопытством разглядывала комнату. В книжном шкафу её привлекла стопка фотоальбомов. Выбрав один, Людмила села в кресло и стала неспешно перелистывать страницы. Вот родители Руслана, вот он сам в детском саду, вот вся семья в фотосалоне…

Особенно её внимание привлекла цветная фотография, сделанная где-то на юге, на песчаном берегу моря. Руслан был снят в полный рост и совершенно голый. Людмила долго, внимательно изучала снимок, одновременно пытаясь мысленно представить теперешнего Руслана без одежды.

«А он уже тогда был красивый», – невольно отметила она.

– Ну, вот и всё готово! – прервал её фантазии Руслан, поставил на стол початую бутылку «Амаретто» и сел рядом. – Первый тост в честь твоего дня рождения. Он у тебя раньше был.

Людмила неуверенно взяла рюмку и робко посмотрела на юношу.

– Я вообще-то ещё ни разу не пила такого крепкого, – объяснила она свою заминку.

– Не бойся, – успокоил Руслан, – это же ликёр, он сладкий и пахнет просто замечательно. За тебя!

Людмила благодарно кивнула и выпила вслед за ним. Поставив опорожнённую рюмку на стол, поёжилась от непривычной крепости напитка. Но вкус, и правда, был хорош.

Отведав салата, Людмила уже более смело поддержала второй тост: за шестнадцатилетие

Руслана. Потом был традиционный у многих тост за родителей.

«Амаретто» мягко ударило в голову, и Людмила впервые ощутила чувство будоражащей эйфории. Ей стало беспечно и весело.

– Пойду, чайник поставлю, – вспомнил Руслан и вновь ушёл на кухню.

А Людмила снова взяла в руки фотоальбом, открыла на заинтересовавшей её странице и вновь погрузилась в свои тайные мечтания. Под действием алкоголя по телу волнами разливалось приятное щекотание.

– Это я в Болгарии, – раздался рядом голос Руслана. Людмила даже не заметила, как он подошёл.

– А тебе здесь сколько лет?

– Здесь… восемь. Без месяца. Как раз второй класс окончил.

– Восемь?! А я-то думала, что дошкольник ещё! Господи, и не постеснялся вот так?..

– Как видишь, – Руслан широко улыбнулся. – Я, видимо, тогда совсем бесстыдным был. Впрочем, и скрывать-то мне особенно нечего было, сама видишь.

– А сейчас, значит, уже есть, что скрывать? – игриво усмехнулась Людмила.

– Ну-у,.. – растерянно протянул Руслан, – восемь лет как-никак прошло. Я же вырос, – продолжил он слегка заплетающимся после выпитого «Амаретто» языком и вдруг, как бы в шутку, предложил Людмиле сыграть в карты на раздевание.

– Будешь или слабо? – пытливо, но словно между прочим спросил он.

– А вот и не слабо! – в пьяном дурмане, бравирующим тоном ответила Людмила. – Ещё неизвестно, кто кого обыграет.

Руслан тут же сходил за игральными картами, перетасовал, дал сдвинуть колоду Людмиле и стал раздавать.

Около часу спустя они оба сидели друг перед другом обнажённые и, пока пытались отыграться, (впрочем, без особого на то желания, а только для виду), молча исподтишка разглядывали друг друга.

– Ой, Руслан, он у тебя встаёт! – приглушённо пробормотала вдруг Людмила, изумлённо вздёрнув брови и округлив глаза.

Именинник почти не смутился. Поглядел внимательно на обнажённую гостью и серьёзно ответил:

– Ещё бы. Ты такая красивая! И… – он неожиданно споткнулся на полуслове и замолчал в нерешительности, опустив взгляд.

– Что – «и»? – нетерпеливо и заинтересованно спросила Людмила.

– И я хочу тебя, – решился вслух закончить смелую мысль Руслан.

Не давая себе отчёта в словах, Людмила бесшабашно воскликнула:

– Бери! Дарю! В честь дня рожденья!

– Правда? – обрадовано опешил Руслан.

– А то передумаю, – почти скороговоркой проговорила она и театрально скрестила на груди руки.

(Тут мы оставим наших именинников наедине и перенесёмся немного вперёд).

– Я лучше домой пойду, – в раздумье несколько скованно произнесла Людмила и начала одеваться.

– А чай! – спохватился Руслан

– Да нет, спасибо. Лучше проводи меня, а то голова что-то кружится.

Руслан облегчённо вздохнул, тоже оделся, и они вышли из квартиры. Часа два именинники бесцельно гуляли по городу, пока хмель более-менее не вышел из головы Людмилы. Только после этого они дошли до её дома, и торопливо, скомканно попрощались, видимо, всё же невольно стыдясь друг друга из-за того, что произошло в сегодняшний день...

Шла первая неделя нового учебного года, когда в мыслях Людмилы толкнулась страшная догадка. Месячные задерживались уже три недели. Раньше такого ни разу не было. В тревожном ожидании прошло ещё четыре дня. После чего Людмила решилась прояснить свои опасения и купила в аптеке тест на определение беременности. Худшие опасения восьмиклассницы подтвердились. Она была беременна.

Неподвижно съёжившись в комок на кровати, она мучительно обдумывала, перебирала в мыслях, как дальше быть.

«Уже почти два месяца! Значит, в начале апреля я должна буду родить. Боже мой! Сказать родителям? Нет! Отец забьёт до смерти! (Людмила прекрасно знала жестокий нрав отца-пьяницы). Сделать аборт? Тоже все узнают»...

В тот вечер Людмила так ничего и не смогла для себя решить.

Ничего, кроме глубокой обиды, не принёс ей и разговор на следующий день с Русланом, которого она терпеливо дождалась после уроков у подъезда его дома.

– Это не мой ребёнок! – испуганно, но в то же время категорично заявил он.

– Как не твой? – опешила Людмила. – А чей же тогда?

– Откуда я знаю! Охотников много найдётся.

– Какой же ты скотина! – отчаянно, с надрывом выкрикнула Людмила. – Видеть тебя не хочу! Сволочь ты! – она заплакала.

Руслан в ответ лишь презрительно пожал плечами, демонстративно отвернулся и зашёл в подъезд. Больше они не встречались…

Роды начались у Людмилы на второй день весенних каникул. На три с половиной недели раньше вычисленного ею срока. Впрочем, на протяжении всего этого времени никто так и не заметил беременности Людмилы. Округлого живота против обыкновения не было. Она разве что несколько поправилась, но это вполне можно было списать на период взросления.

Придя в себя после очередной продолжительной схватки, которая, застав её на лестничной площадке, скрутила всё тело, Людмила, как в бреду, дрожащей рукой вставила ключ в замочную скважину и открыла дверь квартиры. Её пятидесятитрёхлетняя мать, Лидия Ивановна, крепко спала в гостиной после рабочей смены на заводе. Отца дома не было.

Почти на «автопилоте», до боли сжав губы, Людмила дошла до своей комнаты, расстелила на кровати заранее приготовленную клеёнку, достала два полотенца, простыню, ножницы, нитки и ещё кое-какие необходимые мелочи.

Тяжело и шумно дыша, Людмила разделась и легла на кровать. На лице и шее густо выступил пот. Собравшись с силами, она начала тужиться…

Невыносимая боль чуть не выбила её из сознания. Инстинктивно Людмила плотно накрыла лицо подушкой, чтобы непроизвольным криком не разбудить спящую мать.

Родился мальчик.

Дальше для Людмилы всё происходило, как во сне, хотя заранее она уже продумала все свои действия. Никто не должен узнать, что это её ребёнок.

Людмила завернула тельце новорождённого в простыню, потом собрала в пакет послеродовой послед и спрятала его на дне мусорного ведра в туалете. Затем тихо оделась, свернула клеёнку и, подхватив на руку младенца, вышла на лестничную площадку. Выглянув в окно, Людмила убедилась, что на скамейке у подъезда никто не сидит, двор пуст, и спустилась по лестнице со второго этажа. Перед дверью подъезда она остановилась перевести дыхание, после родов организм был обессилен. Справившись с головокружением, она вышла во двор, обогнула дом и кое-как добежала до его середины. Там она остановилась, ещё раз огляде-

лась, потом положила тёплый свёрток под балконом в открытый люк захламлённого колодца канализации, туда же, не глядя, бросила окровавленную клеёнку и поспешила домой. Силы почти оставили её.

Дома Людмила устранила в комнате последние улики того, что произошло, и в изнеможении упала на кровать, моментально заснув…

Пенсионерка Мария Михайловна, прогуливаясь вечером вокруг дома, заметила открытый люк канализации и невольно обратила внимание на странно скомканную простыню, из которой высовывались… крохотные детские ножки, и они, как ей показалось, шевельнулись.

– Господи! – непроизвольно пробормотала она и решила рассмотреть свёрток поближе. Подойдя вплотную, Мария Михайловна в ужасе остолбенела: это, действительно, был новорождённый ребёнок. На подкашивающихся от увиденного зрелища ногах старушка поспешила к телефону.

«Скорая» и милиция подъехали к дому с интервалом всего в одну минуту. К сожалению, мальчик был уже мёртв. Холодный мартовский вечер сделал своё дело. Автомобиль скорой помощи увёз окоченевающее тельце младенца в морг.

Лидия Ивановна проснулась оттого, что в дверь настойчиво позвонили, и нехотя пошла открывать. На пороге стояли двое мужчин в милицейской форме.

– Капитан милиции Шаганов, уголовный розыск, – представился один из них.

– Слушаю вас, – растерянно произнесла Лидия Ивановна.

– Возле вашего дома мы обнаружили мёртвого новорожденного ребёнка. Нас интересует, нет ли в вашей семье кого-нибудь из женщин, кто должен был в ближайшее время родить?

Лидия Ивановна лишь недоумённо развела руками:

– Нет, что вы. У нас из женщин только я да ещё дочка, но ей всего четырнадцать лет.

– Хорошо, извините, – капитан коротко поклонился и позвонил в соседнюю дверь.

Затворив за сотрудниками милиции дверь, Лидия Ивановна задумчиво качнула головой и прошла в комнату дочери. Людмила спала. В комнате был порядок.

Напротив, в туалете, почему-то горел свет. Лидия Ивановна уже потянулась было к выключателю, но решила заглянуть внутрь. Что-то было неспокойно на её сердце.

Неторопливо осмотревшись, она вдруг заметила красное пятно на ободке ведра. Оторвала клочок туалетной бумаги, наклонилась, провела по ободку и поднесла к глазам. Это была ещё свежая кровь. Лидия Ивановна тревожно нахмурилась и сдвинула ворох бумаги в ведре. Увидев пакет, она смутно уже обо всём догадалась и лишь ошарашенно охнула, раскрыв его. Ей ли, матери трёх детей, не знать, что в нём было. Оглянувшись, она увидела, что в дверях комнаты, прислонившись к косяку, стоит Людмила и неотрывно с горечью в глазах смотрит на неё.

– Доченька! – убито пробормотала Лидия Ивановна.

– Мамочка! – отчаянным шёпотом выдохнула Людмила и, зарыдав, бросилась к матери.

В тот вечер Людмила всё рассказала маме…

Капитан Шаганов сидел в тесном служебном кабинете и мрачно курил, одну за другой доставая из пачки сигареты. Дело об убийстве новорождённого уже второй месяц висело в воздухе. Не было ни одной зацепки, даже подозреваемой. Бессердечная роженица как сквозь землю провалилась.

«Неужели никто не видел брюхатую женщину, – со злым раздражением думал он, – которая вдруг постройнела, а ребёнком не обзавелась! Быть такого не может!»

Он достал очередную сигарету, когда в дверь постучали, и в кабинет заглянул лейтенант Зернов.

– Сергей Викторович, к вам посетитель.

Шаганов утвердительно кивнул и отложил сигарету.

В кабинет вошла женщина возрастом за пятьдесят. Это была Лидия Ивановна.

– Здравствуйте, – несмело поздоровалась она.

– Здравствуйте. – Шаганов не узнал её. – Присаживайтесь.

Лидия Ивановна села, но напряжённо молчала, не зная, как начать разговор о том, что мучило её уже столько дней.

– Что случилось? – спросил Шаганов.

Женщина вздрогнула.

– Тот новорождённый… помните? – начала она и тут же в нерешительности осеклась.

Капитан чуть не подскочил на стуле.

– Что?! Конечно, помню! Дня не прошло, чтобы забыл! А вы, – он с жадной надеждой посмотрел ей в глаза, – знаете, кто мать младенца?

Вместо ответа женщина лишь тяжело кивнула головой. Шаганов заметил, что у неё задрожали губы.

– Кто же она? – спросил он успокаивающим тоном.

На этот раз Лидия Ивановна долгим тоскливым взглядом посмотрела на капитана и с трудом выговорила:

– Это моя дочь.

Шаганов выжидающе молчал. А Лидия Ивановна тихим голосом продолжила:

– Когда вы к нам приходили, я ещё не знала. Я даже не предполагала. Ей ведь всего четырнадцать лет! – она всхлипнула.

Только сейчас Сергей Викторович вспомнил эту женщину, которая в тот день открыла дверь с заспанными глазами.

– Расскажите, пожалуйста, всё, что вы знаете, подробно, – деловито попросил он.

Несколько сбивчивый рассказ плачущей женщины длился минут двадцать пять. Шаганов не перебивал. Наконец Лидия Ивановна замолчала, и в кабинете повисла напряжённая тишина. Случай был неординарный, даже не предусмотренный законом.

– Мою дочь… её осудят? – решилась, наконец, нарушить тишину Лидия Ивановна и с надеждой посмотрела на капитана.

Тот продолжал молчать, переваривая в мыслях услышанную дикую историю. Женщина терпеливо ждала.

Наконец, он бесцветным голосом ответил:

– Нет… Дело будет закрыто. Вот только показания ваши для порядка оформим… Понимаете, уголовная ответственность за детоубийство наступает с шестнадцати лет. Ваша дочь, как вы понимаете, сама ещё ребёнок. Тем, что случилось, она уже наказала себя. Когда она вырастет, то ещё острее будет чувствовать свою вину.

Исписав добрых пять листов своих показаний, Лидия Ивановна вышла из кабинета Шаганова. На душе стало легче.

Открыв двери квартиры, Лидия Ивановна поняла, что дочка уже дома. На кухне бренчала посуда.

– Мамочка, это ты? – донёсся звонкий голос Людмилы. – Проходи, обедать будем. Я суп сварила.

– Спасибо, дочка, – негромко ответила Лидия Ивановна, разуваясь и проходя на кухню.

– Я сегодня по физике «пять» получила! – радостно возвестила та в ответ.

– Молодец, – устало похвалила мать, глядя на бодро снующую с поварёшкой в руке дочь. Та начала разливать по тарелкам суп и одновременно что-то тихонько напевала под нос.

Внешне можно было подумать, что у этой девочки ещё всё впереди и ничего трагического, непоправимого в её жизни не случалось.

1997

ЭПИДЕМИЯ

Эта история произошла в одном из северных посёлков Тюменской области. По причинам, которые будут понятны позднее, название посёлка указывать не стану, но скажу, что даже по общероссийским меркам он достаточно крупный.

Так вот. Жили в этом населённом пункте две девицы. Было одной из них восемнадцать лет, а другой – двадцать восемь. Ту, что помладше, звали Верой, а вторую величали Наташей.

Однажды свела их судьба вместе. Подружились две молодые особы. Нашли друг в друге родственную душу. Послужил же сближению их неуёмный интерес к мужскому полу, название которому – похоть. Обе охотно отдавались каждому мужику, кто лишь пальцем поманит да на выпивку не поскупится. А желающих за чуть ли не «просто так» полакомиться женскими прелестями было предостаточно. Тем более что сладострастным утехам подруги предавались с завидным упоением. В Вере через край бурлила молодая жаждущая пикантных ощущений энергия, Наташа усиленно стремилась использовать сполна преимущества цветения уже уходящей молодости. Почти ежедневно поселковые специалистки по любовным услугам устраивали жаркие «кроватные пляски» с подвыпившими мужичками, которые неизменно теряли голову от неожиданно свалившегося подарка жриц бескорыстной любви.

«Наливай, и я – твоя!», – такой «девиз» как нельзя лучше подошёл бы к жизненной сути двух северных красавиц. И такую «товарную марку» Вера с Наташей держали уверенно уже не первый год. За это время установился и стабильный круг постоянных клиентов, которых девушки между собой называли шутливо «еженедельниками». Скажу больше: в числе «еженедельников» были и довольно известные, имеющие вес в посёлке мужчины. А добрая половина из любителей сладкой «левой» дармовщины имела семью.

Впрочем, похоть – она и есть похоть. Жажда острых ощущений, новизны манила уже ставший в мужских кругах девичий секс-патруль к дальнейшим любовным завоеваниям. Освоенного контингента Вере и Наташе уже было недостаточно в плане сексуально-познавательного интереса.

А тут как раз открылась долгожданная на Севере навигация, забороздили по речным волнам всевозможные суда и судёнышки. Какие-то проплывали мимо, но какие-то и причаливали к поселковой пристани, на которой всё чаще можно было заметить «сладкую парочку – Верочку с Наталочкой».

Ясное дело, что в матросской среде неординарные виды услуг, которые предлагали девушки, имели повышенный спрос. Поэтому ночами у кубрика того или иного судна, пришвартовавшегося в посёлке, выстраивалась пусть небольшая, но всё-таки очередь. Причём, при-

оритета не было никому, равные права на кусочек лакомства имели как, допустим, помощник капитана, так и рядовой матрос. Хватало всем. Да и Веру с Наташей в лени или капризности никак нельзя было упрекнуть. Жар под кожей мешал наступить нечаянной усталости.

Так изо дня в день и продолжалась добровольная распутная жизнь Веры и Наташи.

В один из июльских дней к пристани посёлка пришвартовался небольшой катерок «Ярославец», приплывший с южной стороны из далёкого от здешних мест Тобольска.

В этот день на барже-дебаркадере «дежурила» более смазливая из подруг Вера. Она-то и заприметила намётанным взглядом два подходящих кандидата из небольшой команды судёнышка. Подошла, попросила закурить, непринуждённо, словно бы между прочим, познакомилась и тут же завела игривый с прозрачными намёками на приятные ночные перспективы разговор.

Матросики прямо-таки расцвели в предвкушении халявного секса и твёрдо заверили, что с местом проведения ночных оргий всё будет улажено. Часто ли ещё так подфартит: всего-то за литр водки – обширный ассортимент деликатных услуг!

К одиннадцати часам вечера, как и было обговорено, обе девицы спустились по крутым ступенькам с берега к притихшему на ночь причалу. Закат потихоньку догорал, посёлок почти уже погрузился в дрёму.

Оба матроса, и тому и другому на вид было

не более двадцати шести лет, уже с лёгким нетерпением расхаживали по дебаркадеру в ожидании девушек. Завидев их, молодые люди устремились с бодрыми возгласами навстречу.

В небольшом уютном кубрике девушек ожидал приятный сюрприз. Раскладной столик был уставлен разнообразными вкусностями. От поселковых кавалеров Вера и Наташа такой щедрости ни разу не видели. Кроме хорошей водки на столе красовались тарелка со слабосолёной рыбой, баночные салаты, стояла вазочка с красной икрой, блюдце со шпротами, коробочка шоколадных конфет.

Да и сами молодые люди оказались на редкость галантными, несмотря на то, что в глазах уже вовсю бушевал едва сдерживаемый огонь страсти. Под отменную закуску первую бутылку водки «оприходовали» на ура, всего за четверть часа. Распитие второй бутылки уже без стеснения сопровождалось жадными поцелуями и всё более настойчивыми попытками мужчин проникнуть руками в «святая святых» раскрасневшихся от спиртного девушек.

Когда Вера с Наташей сошли с катера на дебаркадер, солнце уже поднялось высоко над низменным берегом реки. Немного утомлённые бессонной ночью, но довольные, на ходу с увлечением и подробно высказывая впечатления о мужских достоинствах судовых мальчиков, они разошлись по домам.

В полдень катер отчалил в дальнейший путь, а подруги вернулись к привычным «еженедель-

никам», продолжая раздаривать свои тела.

Тревожные события нагрянули во второй половине августа.

Солидный мужчина сорока двух лет, учитель истории поселковой средней школы заметил специфические неполадки в своём организме. Пройдя необходимое обследование, он в ужасе схватился за голову. Полученные результаты анализов полностью подтвердили предварительный диагноз врача. Сифилис!

День спустя, в кабинете майора милиции Арбатова уже сидели Вера с Наташей. Именно на них, как на возможный источник заражения, пришлось указать, сгорая от стыда, учителю. Сделанный обеим подругам анализ крови дал положительный результат.

Разговор местных жриц любви с Арбатовым был долгим и трудным. Девицам предстояло вспомнить и назвать всех тех, кто вступал с ними в интимные отношения. Фамилия за фамилией пришлось вспоминать почти два часа. Услышав некоторые фамилии, у майора чуть глаза на лоб не лезли: такие высокие люди и вдруг с такими ненадёжными прощелыгами отважились схлестнуться.

К концу допроса в списке на столе Арбатова значилось пятьдесят восемь человек. Вот где впору за голову схватиться! ЧП!

Все указанные Верой и Наташей мужчины были проинформированы и немедленно прошли обследование. Итог плачевен: заражено сифилисом – сто процентов! Нежданно перепо-

лошённым семейным мужичкам, а куда деваться, пришлось всё начистоту рассказать своим жёнам, так как и те, вероятнее всего, оказались инфицированными.

В конечном счете, цифра заражённых оказалась просто ужасающей: сто сорок восемь человек! Если сопоставить эту цифру с общим числом населения посёлка, то получится, что заразился сифилисом, не считая более безобидных венерических болезней, каждый двадцать четвёртый житель. А это уже эпидемия.

Впрочем, в отличие от повергнутого в глубокий ужас населения, Веру и Наташу это мало волновало. Они прошли курс лечения и беззаботно продолжили свои похождения. Правда, теперь желающих позабавиться с ними заметно поубавилось. Поэтому подруги чаще пропадали на пристани, где с успехом наслаждались с членами судовых команд. Казалось, они никогда не насытятся. Но внезапная гибель избавила их от неуёмного сексуального голода.

Девушек обнаружили на их любимой «стрелке», на дебаркадере с многочисленными глубокими колотыми ранами.

Это убийство, несмотря на все недавние ошеломляющие события, глубоко потрясло всех жителей посёлка. Конечно, были и те, кто считал, что распутницы получили по заслугам, но большая часть всё-таки сочувствовала убиенным. Не говоря уже о некоторых «еженедельниках», искренне сожалевших о кончине своих ублажительниц. На похороны Веры и Ната-

ши стеклось множество народа. По всему было заметно, что эпидемия сифилиса и не столь отдалённое по времени убийство виновных в ней волей-неволей станут главными событиями года в посёлке.

А для милиции (кстати, девять молодых сотрудников тоже не избежали лечения у венеролога этим летом), сразу стало понятно, что причиной убийства стала чья-то месть за подрыв здоровья с нелицеприятной оглаской. Поэтому вычислить возможного мстителя не составило большого труда.

Им оказался один из случайных «одноразовых» клиентов подруг, который тоже подхватил сифилис. К тому же он крепко пил, и к своим тридцати четырём годам уже практически спился. После очередных обильных возлияний на протяжении пяти дней в его голове засела навязчивая злобная мысль о мести. Прекрасно зная традиционные места пребывания девушек, он в один из сентябрьских вечеров подкараулил подружек, внезапно напал и с завидной жестокостью расправился с ними.

За столь «чёрную неблагодарность» к своей безграничной любви уже с того света Вера с Наташей сполна расквитались с убийцей руками правосудия. Мститель был приговорён к двенадцати годам лишения свободы.

1997

ЗИГЗАГ СУДЬБЫ

Вся история, о которой пойдёт речь, случилась из-за того, что в один из дней в начале мая Елена Николаевна, двадцатишестилетняя учительница русского языка и литературы, нечаянно застала восьмиклассника Антона Гладышева за занятием, не предназначенным для посторонних глаз.

Время было уже вечернее, закончилась часа полтора назад вторая смена, да к тому же конец учебной недели, поэтому школа (одна из обыкновенных общеобразовательных школ города Тобольска) опустела довольно рано. Учеников, как всегда с нетерпением ожидавших выходных дней, словно ветром сдуло. Постепенно разошлись и учителя. Две уборщицы наскоро промыли коридорные полы и тоже со спокойной душой отправились по своим делам.

Только Елена Николаевна, то ли по молодости, то ли в силу прирождённой старательности, решила задержаться на работе и теперь сидела в учительской, проверяя ученические тетради шестого «Б» класса.

Когда с проверкой, наконец-то, было закончено, и последняя тетрадь закрытой легла на самый верх стопки, Елена Николаевна с удовольствием потянулась, неторопливо встала и неслышно направилась к двери. Распахнув её, она в пяти метрах от себя увидела своего ученика из восьмого «А» класса Гладышева Антона.

Паренёк примостился за полуметровым выступом стены, укрепил на стенде «Отличники

школы» номер достаточно известной в здешних краях эротической газеты «Свеча», развёрнутой на странице с излишне откровенной по содержанию крупной фотографией, и сосредоточенно занимался самоудовлетворением.

Увидев красноречивую картину, Елена Николаевна онемела от неожиданности, но уже через мгновение ошарашенно выдохнула:

– Господи! Стыд-то какой!

Антон вздрогнул, густо покраснел и с испуганным видом суетливо стал заправляться.

Елена Николаевна тем временем мучительно соображала, как же ей дальше поступить в столь щекотливой ситуации. Но на ум так ничего подобающего и не приходило. Она лишь скупо бросила Антону:

– Немедленно иди домой, – демонстративно повернулась к нему спиной и стала закрывать на ключ дверь учительской комнаты.

Может быть, этим вечерним инцидентом всё бы и закончилось, но, к сожалению, только здесь и начинаются все последующие события.

То ли по досадному незнанию родителей Антона и атмосферы семейной жизни Гладышевых, то ли просто из-за недостатка педагогического опыта Елена Николаевна не придумала ничего лучшего, как позвонить домой матери Антона и в воспитательных целях сообщить обо всём, чему она явилась невольным свидетелем.

Если бы молодая учительница знала, что и отец, и мать этого восьмиклассника беспробудно пьют (отчего Антон и не торопился никогда

уходить из школы), то, скорее всего, она не совершила бы серьёзную ошибку, неосмотрительно набирая номер телефона квартиры Гладышевых. Но сказанных слов не воротишь.

Последствия звонка Елены Николаевны не заставили долго ждать. В тот же вечер «воспитательные меры» были приняты. Пятнадцатилетний подросток был жестоко избит родителями за рукоблудие, которым он опозорил семью перед учительницей.

Кое-как оклемавшись к полуночи, когда отец и мать после очередных возлияний «с горя» спали мертвецким сном, Антон стал одеваться с твёрдым решением бежать из опостылевшего дома, куда глаза глядят. Собрав в дорожную сумку нехитрые пожитки, он прошмыгнул мимо спальни родителей к входной двери и вышел на ночные улицы Тобольска.

Спустя час, Антон пешком добрался до железнодорожного вокзала. А в пятом часу утра, когда восток неба начал бледнеть в ожидании надвигающейся зари, он уже ехал по километровому мосту через Иртыш в сторону областного центра на грузовой платформе товарного состава, зарывшись поглубже в груду керамзита.

В субботу в два часа дня «товарняк» прибыл в Тюмень.

С опаской оглядевшись через борт платформы, Антон осторожно выбрался из кучи керамзита и медленно спустился на землю. Избитое тело ещё сильно болело, распрямляя затёкшую спину, он невольно застонал. Но главное уда-

лось: Антон удачно скрылся от безжалостных родителей, да и деньги на первое время есть, недели на три хватит. А дальше видно будет.

Приближаясь к зданию вокзала, беглец вдруг понял, что отчаянно хочет есть. Купив пакет молока и два чебурека, он нашёл довольно укромное местечко со скамейкой, сбоку от небольшого стадиона «Локомотив», и жадно принялся за еду.

Антон сидел спиной к площади вокзала, разглядывал торец здания дворца культуры «Железнодорожник», уплетал чебуреки и не заметил, как на другой край скамейки неслышно подсел пожилой мужчина лет пятидесяти восьми или шестидесяти. По национальности, скорее всего, татарин.

Пока Антон ел, незнакомец с неподдельным интересом разглядывал его. Не скрылись от его внимания многочисленные синяки на шее и нижней челюсти паренька. Приметил мужчина и сумку, стоящую возле ног мальчика. Он же первым заговорил:

– Кто это тебя, дружище так разукрасил?

Антон вздрогнул от неожиданности, оглянулся и пристально посмотрел на интересующегося человека. Тот сочувственно улыбался.

– Родители, – нехотя и хмуро буркнул Антон.

– И ты, по всему видать, решил сбежать из дома, – уверенно заключил незнакомый собеседник.

– Уже сбежал, – тем же тоном, но более доверчиво ответил Антон.

– Ты не тюменский?

– Нет. Из Тобольска.

– Понятно. А жить-то есть где?

– Найду что-нибудь.

– Ишь ты! – искренне рассмеялся мужчина. – Здесь более-менее нормальное жильё найти, это не морковку съесть.

Антон равнодушно пожал плечами.

– Вот что: пока определишься с дальнейшими планами, поживи-ка у меня. Хоромы, конечно, не бог весть какие, но всё же крыша над головой. Согласен?

– Ладно.

– Ну, вот и договорились. Давай теперь познакомимся. Меня зовут Махмуд Юсупович. Можно просто Махмуд.

– Меня – Антон.

– Ну, вот мы и знакомы. Пойдём, я тебе свою избушку покажу, и отдохнёшь с дороги, одёжку почистишь.

Место обитания Махмуда Юсуповича являло собой старую, предназначенную под снос, деревянную халупу на Малом Городище. Она уже наполовину ушла в землю, и все четыре окошка ещё в незапамятные времена были навсегда закрыты ставнями. Днём внутри всегда царил полумрак. Но худо-бедно жить ещё вполне было можно.

Что касается нынешнего жильца развалюхи, то он оказался бомжем, а этот домишко недалеко от оврага приглядел почти два года назад. Теперь в избушке появился ещё один обитатель, новоиспечённый бомж из «беглых».

Учитывая то, что беглеца в скором времени наверняка кинутся искать, недавние приятели

договорились, что будет лучше, если Антон не станет отлучаться из дома. Условились, что всё необходимое Махмуд будет приносить сам.

Надо отметить, что появление Антона в жизни Махмуда Юсуповича оказало на него благотворное влияние. Он стал больше следить за собой и даже сумел устроиться подсобным рабочим на складе. Спустя две недели у беглеца уже появились кое-какие недорогие обновки.

Но в конечном счёте оказалось, что Махмуд Юсупович преследует свои тайные корыстные цели. Уже к началу лета обстоятельства сложились так, что Антон волей-неволей был многим обязан приютившему и приодевшему его Махмуду. А в одну из ночей Махмуд Юсупович решился претворить свои тайные чаяния в действительность.

Заявив вечером, что у него, дескать, сегодня день рождения, Махмуд выставил на стол бутылку креплёного вина и настоял, чтобы Антон присоединился к празднованию события. Никогда до этого времени не употреблявший спиртного пятнадцатилетний юнец захмелел очень быстро и с изумлением засмеялся, когда заметил, что при разговоре язык у него заплетается, а перед глазами всё плывёт.

Некоторое время спустя Махмуд склонил совсем опьяневшего Антона к гомосексуальному акту. Достичь этого уже не составило большого труда, тем более что спали они оба на одном, видавшем лучшие времена, раскладном диване.

Поначалу Антон не слишком задумывался над тем, что произошло в ночь «именин» Махмуда

Юсуповича. Конечно, ему было больно, как и в последующие разы, но, чувствуя к своему старшему сотоварищу внутреннюю благодарность за стол и кров, Антон готов был терпеть те десять-пятнадцать минут неприятных и противоестественных ощущений. Тем более что такое необычное «мероприятие» повторялось один или от силы два раза в неделю.

Но постепенно Антон стал замечать, что у Махмуда начали проявляться садистские наклонности. Грубые причуды были самые различные. Всё чаще он наносил раздетому донага Антону ощутимые зуботычины и щипки. Видимо, это помогало ему достичь наибольшего удовлетворения. Почти каждый раз Махмуд стал начинать «любовную прелюдию» неожиданным и достаточно сильным ударом ладони в пах Антона, а однажды, опьянев от выпитой водки, забавы ради изнасиловал паренька опорожнённой бутылкой. Слёзы и уговоры беззащитного подростка только больше раззадоривали его.

Чем дальше, тем всё невыносимее становилась жизнь Антона. А сбежать не было никакой возможности. Ночью Махмуд, даже если был выпивши, спал чутко, а днём, если уходил, то надёжно запирал массивную дверь. Да и куда было податься разыскиваемому Антону в чужом городе.

Так прошло всё лето.

Наиболее противными для Антона были случаи, когда Махмуд Юсупович принуждал его к оральному сексу. Каждый раз тошнота непро-

извольно подкатывала к горлу. Но именно такой очередной случай стал причиной неожиданного освобождения от многодневной кабалы опостылевшего педофила.

Это произошло двенадцатого сентября.

Придя в обеденное время домой, Махмуд снова изъявил желание, чтобы Антон «поработал ротиком», спустил брюки и властно притянул голову парня к низу своего живота. Чувство униженности и брезгливости нахлынуло на Антона вдруг так сильно, что он неожиданно и крепко сжал зубы.

От внезапной нестерпимой боли Махмуд истошно заорал, вырвался, стал, скрючившись, кататься по дивану и выкрикивать:

– Убью! Убью, гадёныш!

То ли испугавшись за свою жизнь, то ли от переполненной чаши обид и терпения, Антон выскочил в крохотные сени и схватил из угла давно валявшийся там густо покрытый ржавчиной метровый отрезок арматуры. Стремительно вернувшись, он подбежал к дивану и, ослеплённый праведным гневом, размахнулся и наотмашь ударил Махмуда по голове.

Одновременно с ударом Антон услышал, как что-то глухо хрустнуло, и изрыгавший проклятия Махмуд в одно мгновение замер. Ужаснувшись, освободившийся затворник кинулся прочь из дома и побежал куда глаза глядят.

Случайным образом он оказался возле отдела милиции, может быть, повинуясь внутреннему зову. Первоначальный накал чувств уже

прошёл, и Антон выглядел подавленным и безразличным. Увидев спускающегося с крыльца отдела милиционера, он попросил его остановиться и потерянным голосов сообщил:

– Товарищ милиционер, я, кажется, человека убил…

Когда Антон Гладышев вместе со следственно-оперативной группой приехал в жёлтом милицейском УАЗике на Малое Городище и понуро зашёл в домик Махмуда Юсуповича, тот лежал ничком в довольно нелицеприятной позе. На полу, рядом с диваном, валялся брошенный впопыхах злополучный отрезок арматуры.

Пока в комнате длилось короткое невольное молчание, один из сотрудников, оперативник из отдела по убийствам старший лейтенант милиции Александр Ведерников искоса, незаметно взглянул на подростка-«убийцу». По щекам беззвучно плакавшего Антона катились крупные слёзы.

1997

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Было тридцать первое декабря 1996 года.

Грузовой «Мерседес» с крупной партией товара, следовавший из Москвы в Красноярск, въехал в десятом часу вечера в Тюмень. В кабине автомашины находилось двое мужчин: сопровождающий груз милиционер-охранник Владимир Кантемиров и водитель-дальнобойщик Сергей Пересторонин. Последний был жителем Тюмени, а потому самое благое дело – остановиться на ночлег в родном городе и встретить Новый год в кругу семьи.

Доехав по Московскому тракту до калининской кольцевой развязки дорог, «Мерседес» свернул сначала на улицу Интернациональную. А на улице Локомотивной около дома, где проживала семья Перестороних (жена и два сына), машина остановилась, и Сергей, по-приятельски хлопнув напоследок Владимира по плечу, поспешил к своим.

Кантемиров остался в кабине охранять груз. Положил на приборную панель автомат Калашникова и откинулся в кресле.

Мысли его непроизвольно унеслись к далёкому дому в городе, который просторно раскинулся на холмистых берегах Енисея. Там родные, друзья. А какой, к чёрту, праздник в чужом, абсолютно незнакомом городе.

– Везёт же Серёге. А мне из машины даже на пять минут выйти нельзя. Проклятье! – сам себе негромко пробормотал Владимир, удручённо

вздохнул и открыл одну из двух припасённых с утра бутылок пива «Балтика № 6».

В одиночестве время тянулось раздражающе медленно, как густой охлаждённый мёд. Когда, наконец, на волне «Маяка» начали гулко бить кремлёвские куранты, возвещающие приход в столицу Нового 1997 года, Владимир приоткрыл дверцу машины и с досадой швырнул опорожнённые бутылки в ближайший сугроб. Невольно ему вспомнилась поговорка: «Как Новый год встретишь, так и весь год проживёшь». Он криво усмехнулся. Нет, совсем не так мечтал встретить этот праздник Владимир Кантемиров. Но в Москве погрузку товара не по их причине задержали, и теперь они с Сергеем опаздывали в Красноярск чуть ли не на трое суток.

Вдруг в проёме улицы Владимир увидел силуэт приближающегося паренька. В голове милиционера мелькнула заманчивая мысль...

Олегу Коротаеву было около семнадцати лет. Без определённой цели он брёл по ночной улице и любовался то и дело вспыхивающими в черноте неба разноцветными ракетами.

Когда он вдруг услышал, что его окликает мужчина из стоящего на обочине шикарного грузовика-фуры, то интереса ради решил подойти.

– Слушай, браток, не в службу, а в дружбу, – обратился к нему Кантемиров, когда тот приблизился, – сможешь пузырь купить? А то праздник, а мне от машины, как назло, ни на шаг нельзя.

Олег, не будь дураком, смекнул кое-что про себя и хитровато спросил:

– А угостишь?

– Какой разговор! Конечно, угощу, не обижу.

– Тогда лады.

Коротаев взял деньги и направился к ближайшему киоску, который располагался в трёх кварталах от «Мерседеса».

А некоторое время спустя Владимир с Олегом уже сидели, как старые добрые друзья, внутри кабины и усердно отмечали праздник всей планеты, экономно закусывая маленькими прямоугольниками единственной плитки шоколада.

Как известно, пиво с водкой уживаются плохо. Кантемирова порядком развезло, и он, вконец разомлев в тёплой кабине, уснул. Коротаев, тоже изрядно захмелевший, закурил сигарету и окинул заинтересованным взглядом просторную кабину «Мерседеса».

Уже не первый раз его взор, словно притянутый магнитом, останавливался на автомате: «Хорошая штучка!». Искушение было слишком велико.

Покосившись на храпящего в пьяном сне охранника, Олег затушил недокуренную сигарету, бесшумно наклонился вперёд к панели и осторожно взял оружие.

Запретная грань была беспрепятственно нарушена, и минуту спустя Олег уже без зазрения совести методично обшарил карманы форменного бушлата Владимира. Неожиданная находка превзошла все его скромные ожидания: более десяти миллионов рублей! Это были деньги, которые дали Кантемирову знакомые земляки на приобретение видеоаппаратуры.

Вполне понятно, что с такими богатыми «трофеями» Коротаев поспешил поскорее улизнуть. После того, как Олег покинул машину, он спрятал автомат с боеприпасами дома, а на похищенные деньги, когда новогодние праздники завершились, купил женские шубу и сапоги для матери, а также крытый полушубок и тёплые ботинки для себя.

Что касается охранника Кантемирова, то отрезвление для него было страшным. Проснувшись около восьми часов утра, он не обнаружил ни автомата, ни денег. Известив возвратившегося вскоре водителя о случившемся, Владимир в панике обратился в милицию.

Без малого месяц прошёл с того рокового дня, когда Олегу Коротаеву, наконец, было предъявлено обвинение.

Поиск его затруднялся тем, что горе луковое Кантемиров не знал даже имени своего ночного гостя. Пили вместе, а познакомиться не удосужился. Но круг возможных подозреваемых постепенно сужался. В результате тщательной отработки всей округи вблизи улиц Интернациональной и Локомотивной удалось-таки найти двух свидетелей, которые видели, как Олег Коротаев покупал в новогоднюю ночь спиртное, а затем направился в сторону улицы Локомотивной.

В тот же день, двадцать шестого января, было принято решение задержать Олега как подозреваемого по двум статьям Уголовного кодекса Российской Федерации.

Когда Коротаева привезли к старшему следователю подполковнику милиции Александру Марсову, тот сразу каким-то внутренним чутьём, интуицией понял, что это именно Олег был той ночью в кабине с Кантемировым. Всё-таки почти двадцать лет работы в органах внутренних дел. И опыт есть, и глаз уже намётан.

Поэтому в разговоре с Коротаевым Марсов стал с самого начала исходить из того, что тот виновен, и умело исподволь развивал беседу таким образом, чтобы побудить Олега чистосердечно признаться в содеянном преступлении.

Тем более что лет подозреваемому было мало, а к таким ещё не сложно найти нужный психологический подход, пробудить добрые качества души.

В общем, удалось.

Мало того, Олег сам добровольно выдал сотрудникам милиции и автомат Калашникова, и боеприпасы, вследствие чего парню пошли навстречу, и уголовное дело по статье двести восемнадцатой части первой Уголовного кодекса РФ было прекращено.

Но, как ни верти, факт кражи крупной кражи денег никак нельзя отрицать (статья 144 часть 2), тем более что значительную сумму из десяти миллионов Олег уже успел потратить.

Из обвинительного заключения: «В процессе изучения личности обвиняемого установлено, что Коротаев Олег Владиславович 1979 года рождения ранее не судим, по месту учёбы характеризуется положительно, на учёте в комиссии по делам несовершеннолетних не состоит».

В ходе расследования были учтены как смягчающие вину обстоятельства – совершение преступления несовершеннолетним и впервые, так и отягчающие – совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения.

Решением суда Олег Коротаев был признан виновным в совершении кражи и в неправомерном хранении боевого огнестрельного оружия и осуждён с правом отсрочки исполнения наказания на два года.

Что касается потерпевшего милиционера-охранника Владимира Кантемирова, то нетрудно догадаться, что за подобное, мягко говоря, разгильдяйство при исполнении служебных обязанностей вряд ли его погладили по голове на работе. Скорее всего, ему пришлось расстаться со службой в системе органов внутренних дел.

1997

ЦЕНА НАВАЖДЕНИЯ

Когда в семье Александра Веретенникова произошёл серьёзный разлад, он ума не мог приложить, как такое могло случиться. С Ларисой они поженились уже шесть лет назад, будучи знакомы ещё со времени учёбы в университете. Правда, он был студентом физического факультета, а его будущая жена получала высшее образование на факультете романо-германской филологии. Через два месяца после получения дипломов Александр и Лариса соединили свои судьбы.

Первые два года супружеской жизни, если не считать неизбежной притирки характеров двух разных, хотя и любящих друг друга людей, были, как частенько говорят, сон и сказка. Оба без особого труда нашли работу преподавателями по своей специальности, правда, в разных школах, но это сущий пустяк. Клавдия Никифоровна, бабушка Александра, в двухкомнатной квартире которой они поначалу жили втроём, вскоре преставилась, и молодожёны Веретенниковы стали полноправными хозяевами скромных апартаментов в пятиэтажном доме на улице Одесской. Живи да радуйся!

В сентябре 1993 года у Ларисы с Александром родился мальчик. Малыша назвали Валерием в честь отца молодой мамы.

Именно в это время и начали случаться в семье Веретенниковых первые размолвки. Каждый раз инициатором сначала недовольства, а через какой-то срок и злобной ругани, была Лариса, которая в последнее время стала на редкость раздражительной, вспыльчивой и обидчивой.

Конечно, её с одной стороны можно было понять, бесконечные заботы о маленьком ребёнке отнимали много сил. Лариса часто недосыпала. Попробуй-ка, отдохни, если каждые три часа младенец требует есть. Она и не представляла, что всё будет так трудно. Все радужные фантазии о радостном чувстве материнства в один миг рухнули.

Неподготовленность к бремени материнства и глубокое разочарование Ларисы от неизбывных хлопот довольно быстро переродились в зависть к тем, у кого ещё нет детей, в досаду на себя, что решила стать матерью, в обиду и всё нарастающую злобу на Александра, который стал работать после рождения сына на полутора ставках, чтобы обеспечить пополнившуюся семью материально, и как результат меньше времени находиться дома.

Не раз бывало, когда Александр возвращался после трудового дня, едва он переступал порог квартиры, ему в лицо летел ворох грязных детских пелёнок, швырнув который, Лариса в ярости выпаливала:

– Явился, сволочь! На! Стирай дерьмо своего сына!

Сперва Александр недоумевал, почему Лариса позволяет себе такие выходки, пытался успокоить, приласкать. Но это мало помогало. Совсем не помогало. Что бы ни делал Александр по дому, как бы ни помогал – всё либо упрямо оставалось незамеченным, либо постоянно оказывалось недостаточным. На него то и дело сваливались незаслуженные упрёки и обидные обвинения. Убеждать, что-то доказы-

вать, отстаивая своё собственное достоинство, было бесполезно. В ненависти Лариса становилась, как слепая.

День ото дня ситуация в семье Веретенниковых изменялась далеко не в лучшую сторону. Кризис всё нарастал, изживая, разрушая всё хорошее, что было накоплено за время совместной жизни. Размолвки всё больше затягивались, а выход из них становилось найти всё труднее. Да Лариса и не особо стремилась к этому, каждодневно мимоходом огрызаясь на Александра за малейший пустяковый промах.

Трудно поверить, но спустя время, когда маленькому Валерику было уже четыре месяца, распри между Александром и Ларисой доходили до драк. Впрочем, руки в основном распускала Лариса, Александр лишь увёртывался от ударов в лицо и пах. После окончания подобных экзекуций, когда из жены выходил лишний пар, тело Александра на добрую неделю оставалось украшенным многочисленными синяками, царапинами и кровоподтёками, неуспевающими окончательно исчезнуть до появления свежих. Об интимной близости и говорить не приходится, оба уже давно забыли день, когда последний раз ласкали друг друга в объятиях.

Читатель наверняка ничего не потеряет, если часть горемычной семейной жизни Веретенниковых мы пропустим и перенесём повествование событий почти на четыре года вперёд, в ноябрь 1997 года.

Может быть, вас удивит то, что Лариса и Александр ещё вместе, но это, действительно, так. Во многом – это заслуга терпеливого Алексан-

дра. Но с другой стороны, стоило ли приносить жертву во имя сохранения такой семьи, ведь всё светлое и родственное в чувствах уже давным-давно перегорело, вытравилось. Да и Лариса ни в коей мере не изменилась. Сын – вот что заставляло Александра сносить попеременные раздражительность или равнодушие жены, никчёмную жизнь и сохранять семью.

Валерику месяц назад исполнилось четыре года. Смышлёный, точь-в-точь похожий на отца, он уже год ходил в детский сад. Ребёнок был единственной отрадой в жизни Александра. Валерик тоже больше тянулся к отцу, ощущая его искреннюю любовь, и наоборот, старался избегать матери, от которой так и тянуло неприязнью.

То, ради чего зашла вся речь, если не считать предыстории, случилось вечеров вечером третьего ноября.

Александр в одних трико сидел за столом и писал конспекты для завтрашних уроков. В противоположном углу Лариса гладила бельё. Постепенно она мысленно начала вновь накручивать себя и заводиться: «Господи, когда ж это кончится-то, а? Нашли домработницу!». Минута за минутой вспыхнувшая злоба нарастала и, наконец, достигла своего предела. Резко выдернув утюг из розетки, Лариса сделала три стремительных шага к Александру и крепко припечатала раскалённый электроприбор к спине мужа.

Истошно завопив от боли, Александр вскочил, непроизвольно отталкивая от себя жестокую жену, и бросился в ванную под душ. В комнате за коробку с игрушками испуганно забился и заливался в плаче Валерик.

Пока Александр пытался усмирить холодной водой нестерпимую боль, квартира наполнилась истеричными проклятиями Ларисы:

– Ненавижу! Я вас точно когда-нибудь пришибу! Обоих! Чтоб вы сдохли!..

Всю ночь Александр, накрывшись мокрой простынёй, проворочался с живота на бок. Обожжённая спина так и не позволила нормально выспаться, после уроков необходимо было сходить в поликлинику и взять больничный лист. С тяжестью на сердце он ушёл рано утром на работу, отведя по пути Валерика в детский сад, чтобы вечером, как обычно, забрать его оттуда.

Но у Ларисы на этот счёт были свои чёрные планы. Сегодня у неё было всего четыре урока английского языка в седьмых и восьмых классах.

Истощённая ежедневным противостоянием в семье нервная система Ларисы уже не первый месяц иногда давала сбои. Она могла беспричинно засмеяться или вдруг надолго забыться во время урока. Бывало, что её неожиданно настигали навязчивые тёмные мысли, от которых она потом не могла избавиться несколько дней.

Наваждению, которое началось у Ларисы четвёртого ноября во время перемены между третьим и четвёртым уроками, суждено было стать последним.

Как в бреду, почти на «автопилоте», провела учительница английского языка Лариса Валерьевна Веретенникова свой последний урок и, повинуясь сценарию болезненного разума, оделась и покинула школу.

Словно зомби, направилась она в сторону детского сада, в который ходил Валерик. О том,

что рассудок Ларисы явно был не в порядке, позволяет говорить уже то, что она пошла пешком, хотя до цели лучше было бы проехать восемь остановок на автобусе. За полтора часа женщина справилась с этим расстоянием.

Воспитательница группы была очень удивлена, когда в кои-то веки увидела на пороге Ларису Валерьевну. Детишки только собирались сесть обедать. Но мама Валерика была странно настойчива:

– Не волнуйтесь, он дома пообедает.

– Что-то случилось?

– Почему вы так решили?.. Нет, всё в порядке. Просто так надо, – не глядя в глаза воспитательнице, ответила Лариса, торопливо помогая одеваться Валерику. – Папе вечером будет некогда забрать сына, мне тоже, поэтому я пришла сейчас, – скороговоркой пояснила она, направляясь к входной двери, – до свидания…

Дома безумные события развернулись с поразительной быстротой. Стремительно и безоглядно!

Оставив сына раздеваться самостоятельно, Лариса ушла в комнату, достала из шифоньера один из запасных брючных кожаных ремней Александра и с хмурым видом решительно прошла на кухню. Там она вынула из шкафчика домашнюю аптечку, взяла из неё тюбик с детским кремом и, выдавив в ладонь большое количество содержимого, тщательно и обильно смазала ремень почти по всей длине.

– Мама, я кушать хочу, – робко сказал, войдя на кухню, уже раздевшийся Валерик.

Ничего не ёкнуло в сердце матери. Женщина резко обернулась на голос сына и зло, с ядови-

той усмешкой процедила сквозь зубы:

– Сучье отродье! Скоро ты больше ничего не захочешь! Ублюдок!

Слёзы незаслуженной обиды, тут же появившиеся в глазах четырёхлетнего малыша, только подстегнули, ускорили претворение чёрного замысла наваждения Ларисы Веретенниковой.

Продев конец ремня в пряжку, она ловко накинула образовавшуюся петлю на шею сына и затянула. Смазанная кремом кожаная лента легко и плотно вдавилась, туго пережав горло Валерика. Лицо мальчика мгновенно побагровело, глаза бессмысленно вытаращились. Он судорожно уцепился ручонками за руки матери. Но это ничего не изменило. Развернувшись спиной, Лариса перекинула свободный конец ремня через плечо и сильно натянула, оторвав тело Валерика от пола.

Минуту спустя всё было кончено. Конвульсивно вздрагивавшее тело малыша безжизненно обмякло на спине матери.

Миссия повреждённого разума была закончена. Наваждение отступило. Только теперь Лариса наконец смогла осознать то, что совершила. Прозрение было беспощадным. Сознания и чувства женщины-детоубийцы притупились. Ужас от вида содеянного породил приступ нового помутнения рассудка.

Спустя час Лариса была уже до потери памяти пьяна. На подкашивающихся ногах она добралась до ванной комнаты, наполнила ванну тёплой водой, не раздевшись, погрузилась в неё и лезвием вскрыла себе вены на запястьях и шее…

В половине шестого вечера, после посещения поликлиники, Александр зашёл в детский сад

за Валериком и был очень удивлён и встревожен, узнав от воспитательницы, что мальчика ещё в час дня забрала мама. С недобрым предчувствием он отправился домой.

Шокирующее потрясение, которое испытал Александр, войдя в квартиру, трудно передать словами. Увидев труп Валерика с затянутым на шее ремнём и затем жену, неподвижно лежащую в кровавого цвета воде, он, как подкошенный, рухнул на пол, потеряв сознание…

Преподавателей Веретенниковых хватились на следующий же день сразу в обеих школах, когда те не явились для проведения уроков. Не пришли они в свои школы и ещё день спустя.

Когда сотрудники милиции вечером шестого ноября оказались в квартире пропавшей семьи, они увидели почти ту же самую картину, что и двумя днями раньше застал Александр. Но вдобавок к этому на крюке от снятой люстры в верёвочной петле неподвижно висело тело самого Александра Веретенникова.

На столе была найдена краткая предсмертная записка Александра:

«Жить дальше – нет смысла.

Прости меня, Господи.

Прости, мама».

В один день перестала существовать целая семья. Александру Веретенникову было двадцать девять лет, Ларисе – двадцать восемь, Валерику – четыре года. Такова страшная цена наваждения.

1997

ПАРАНОЙЯ

Паранойя – психическое заболевание, характеризующееся развитием не соответствующих действительности идей, которые, систематизируясь, овладевают сознанием больного и, несмотря на своё противоречие с реальностью, недоступны исправлению. Содержание идей, овладевающих больным, может быть необыденного содержания. Как правило, больной в соответствии с содержанием овладевших им идей, начинает действовать: становится преследователем, карателем своих мнимых врагов. Во всём остальном, что не касается его системы бредовых идей, больной никаких психических расстройств не проявляет, надолго сохраняет работоспособность и внешне правильное поведение. В связи с этим паранойя долгое время (иногда годами) может оставаться нераспознанной окружающими людьми.

Популярная медицинская энциклопедия. Москва, 1985 год.

Серёжа был поздним и единственным ребёнком в семье Ракитиных. Когда он появился на свет в марте 1984 года, его родителям, Светлане Владимировне и Николаю Сергеевичу, было уже по тридцать восемь лет. Естественно, что он стал долгожданной отрадой для отца с матерью. Даже неизбывные рутинные заботы в первые полтора года жизни Серёжи не смогли затмить чувство светлой радости и умиления. Оба души не чаяли в своём отпрыске.

Мальчик рос послушным, хотя и достаточно замкнутым. За всё время, пока он ходил в детс-

кий сад, у него так и не появилось своих друзей. Серёжа предпочитал играть в одиночестве. Но его родителей такое обстоятельство ничуть не беспокоило, они, можно сказать, не обращали на это внимания. Всё поглотила безграничная слепая любовь к единственному ребёнку.

Они даже не подозревали, что их сынишка серьёзно болен. Впрочем, это и не удивительно: паранойя в течение продолжительного времени может никак не проявить себя. Именно эта коварная своей скрытностью болезнь дремала и ждала своего часа в Серёже.

Первой весточкой пробуждения недуга оказался следующий весьма характерный для такого психического заболевания инцидент. Серёже Ракитину было в то лето 1988 года уже четыре года.

Светлана Владимировна вышла с сынишкой во двор дома и отправила Серёжу поиграть в песочнице.

На недавно привезённой груде песка уже копошились с ведёрками и пластмассовыми формочками двое ребятишек, ровесников Серёжи. Они приветливыми улыбками встретили подошедшего нового мальчика.

Но Серёжа никак не отреагировал на их искреннюю детскую радость, а наоборот, молчаливо расположился в уголке песочницы и стал сосредоточенно рыть ямку металлическим совочком, искоса хмуро и с недоверием поглядывая на играющих рядом девочку и мальчика.

Удостоверившись, что Серёжа вроде бы занят своим делом, Светлана Владимировна села на

скамейку возле подъезда, открыла журнал «Крестьянка» и занялась чтением. Но уже минут десять спустя её чтение было прервано отчаянным плачем, донёсшимся с песочницы. Светлана Владимировна в тревоге устремила взгляд в сторону детского крика.

А произошло вот что.

Мальчик, которого звали Максим, захотел поближе познакомиться и поиграть с Серёжей вдвоём. Видимо, в это же самое время в голове Серёжи проснулась и решила показать свои когти таившаяся болезнь.

В мозгу мальчика сработал бредовый сигнал: «Он – злой, он – враг, он для тебя опасен!» Повинуясь нахлынувшей агрессивной идее, Серёжа, не долго думая, крепко сжал в руке железный совочек и со всего маху ударил им Максима по голове. Из рассечённого лба мальчика струйкой потекла кровь. От несправедливой обиды и неожиданной боли он громко заревел. Этот плач и услышала Светлана Владимировна.

О нелицеприятном разговоре с мамой Максима и говорить не стоит. Всё понятно без слов. Но на этот раз, как ни странно, всё обошлось без серьёзных последствий. Мол, дети есть дети, и не такое случается.

Когда Серёже Ракитину исполнилось семь лет, папа с мамой купили ему в подарок кенаря. Сначала мальчик очень обрадовался, первое время, бывало, по часу просиживал возле клетки с птичкой, с интересом наблюдая за ней. Но в итоге желтопёрый певец прожил в квартире Ракитиных всего два месяца. Однажды отец, Николай

Сергеевич, придя с работы, обнаружил птаху лежащей вверх лапками на дне клетки.

Он тогда подумал, что кенарь умер от какой-нибудь птичьей болезни, но это было очередное внезапное проявление Серёжиной паранойи. Мальчику втемяшилось, что крылатая тварь хочет его заклевать, и, чтобы избежать этого, он просто-напросто задушил её в руке.

Последнее «безобидное» происшествие случилось, когда Серёже уже было десять с половиной лет.

В осенний выходной день Николай Сергеевич и Серёжа посетили зоомагазин. Там сынишке приглянулся пушистый хомячок. Мальчик уговорил папу купить ему это животное.

В результате судьба зверька оказалась столь же трагична, как и судьба подаренного Серёже на семилетие кенаря.

В один из дней, играя с хомячком, у Серёжи вновь начался приступ паранойи. Безобидный зверёк представился ему кровожадным хищным созданием, которое только и ждёт момента, чтобы искусать Серёжу. В ужасе спихнув с себя зверька, доверчиво покоившегося на коленях, мальчик кинулся на кухню, схватил увесистую сковороду с ручкой и, вернувшись в комнату, со всей силы обрушил посудину на притихшего на полу хомячка. Сковорода поднималась и стремительно опускалась на уже мёртвое животное более десяти раз, пока на ковровой дорожке не осталась лишь мохнатая окровавленная лепёшка.

Этот дикий поступок не на шутку испугал и встревожил родителей. Они наконец-то решили показать Серёжу врачу. И только после посещения специалиста им открылась печальная правда: у Серёжи паранойя.

С этого момента они оба стали усиленно следить за поведением сына, пытаясь предугадать проявление психического заболевания и предотвратить возможные последствия. Но болезнь оказалась хитрой. Она затаилась на очень продолжительное время.

А внимание, как известно, постепенно ослабевает. Спустя полгода родители Серёжи уже волей-неволей снизили свой контроль, успокоенные отсутствием каких-либо признаков болезни. А через год и вовсе решили, что паранойя отступила и навсегда оставила их любимое чадо в покое.

Это было серьёзное попустительство!

Через три года после расправы Серёжи над хомячком случилось самое страшное, что только можно представить. Вот когда бредовые установки паранойи предстали во всей своей зловещей сущности!

Серёжа, уже тринадцатилетний паренёк, сидел за столом и готовил домашние задания к завтрашним урокам. В шесть часов вечера с работы вернулась Светлана Владимировна. День выдался напряжённый, она прилегла отдохнуть на диване, и вскоре незаметно для себя уснула.

Серёжа, закончив с упражнениями по русскому языку, с удовольствием потянулся и оглянулся на маму. Кровь неожиданно прилила к его голове. Ему почудилось, что мать сквозь смеженные веки исподтишка наблюдает за ним. Причём, не просто так, а злобно, с желанием внезапно расправиться с ним. Серёжу бросило в пот, он вмиг помрачнел. Теперь-то он понял: мама только коварно притворялась доброй и заботливой. На самом же деле она и есть перво-

степенный враг, и помышляет убить его при любом удобном случае.

«Нет, не будет этого!» – твёрдо решил про себя Серёжа и, не отводя взгляда от матери, осторожно встал и двинулся на кухню.

Постоянно в напряжении оглядываясь, он нашарил в ящике стола охотничий нож отца и, крепко сжав его в руке, бесшумно вернулся в комнату.

Светлана Владимировна продолжала безмятежно спать, когда резкая боль грубо вырвала её из страны сновидений. Ошарашенно и непонимающе она на мгновение уставилась на всаженный по самую рукоятку в её грудь нож и тут же потеряла сознание.

Выдернув нож, Серёжа вновь вонзил его, но теперь уже в горло мамы. На этом жизнь Светланы Владимировны оборвалась. Но Серёжу обуял неподдельный ужас, ему мерещилось, что удары ножом не принесли никакого вреда его матери, и что сейчас она непременно встанет и безжалостно расправится с ним.

Не помня себя, он кинулся к двери на балкон и распахнул её. Свежий воздух не помог подростку прийти в себя. Спиной он почувствовал якобы приближающиеся шаги жаждущей возмездия матери, отчаянно закричал и ринулся через перила балкона вниз с пятого этажа.

Последним порождением его болезненного разума была мысленная фраза: «Я – спасён!».

1997

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе.....3
Дура Катька.....4
Аллах велик!.....13
Годовщина.....22
Жилец квартиры № 0.....33
Оправдание дождём.....42
Ночь возмездия.....48
Чёрный дар.....57
Злополучная получка.....80
Затмение разума.....90
Трагедия современной Джульетты.....99
Эпидемия.....111
Зигзаг судьбы.....118
Ночной гость.....127
Цена наваждения.....133
Паранойя.....141

Издательский дом
"Озарение"

Счастье жизни -
творчество!

© **Павел Черкашин**

сборник рассказов и очерков

"Чёрный дар"

Главный редактор: **Ирина Киселева**

Верстка, дизайн: **Мария Киселева**

Техническое обеспечение: **Виктор Шулепов**

Корректура: **ООО «Изограф»**

Отпечатано в типографии
ООО "Издательский дом "Озарение"
654044, г.Новокузнецк, Архитекторов, 19^А,
АРТ-салон "Добрый День"

Для писем: 654011, г. Новокузнецк, а/я 758.

Тел. (3843) 62-10-26;

E-mail: *ozarenie71@mail.ru*

Сайт: *http://ozarenie.webmatrix-2.net*

Интернет-магазин: *http://ozarenie.eu.ru*

Тираж 250 экз.

В новую книгу Павла Черкашина вошли криминальные рассказы и очерки, написанные в середине девяностых годов двадцатого столетия.

ББК84(2Рос+Рус) 6-5
ISBN 978-5-9917-0001-6
Ч/8 УДК 882

30-00

153192009
Государственная библиотека Югры